

Акад. А. И. ТЮМЕНЕВ

ХЕРСОНЕССКИЕ ЭТЮДЫ

1. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса

1

В то время как относительно датировки основания остальных колоний Северного Причерноморья (равно как и Понта вообще) археологический материал и частично и античная литературная традиция содержат более или менее точные указания, почему и среди современных исследователей никаких сомнений на этот счет не возникает (расхождения в датировке основания отдельных городов не превышают полустолетия), вопрос о времени основания Херсонеса до сих пор остается открытым и отдельными исследователями разрешается самым различным образом. Время основания Херсонеса относят к VI в. до н. э.¹, к концу VI в., к началу V в., наконец, к концу V в. и даже к первой половине IV в. Итак, разница в датировке составляет два столетия.

К VI в. относят основание Херсонеса П. Беккер², Эд. Мейер³, К. Ю. Белох⁴, Е. Миннс⁵, М. И. Ростовцев⁶, также С. А. Селиванов⁷, А. Бобринский⁸, Е. Э. Иванов⁹, Ю. В. Готье¹⁰. На рубеже VI и V вв. помещают его Тирион¹¹ и Бузескул¹². К началу V в. относят основание Херсонеса Шней-

¹ Были даже, впрочем, совершенно несерьезные, попытки относить основание Херсонеса к концу VII в. до н. э.

² Р. Веккер—Die Herakleotische Halbinsel, Leipzig 1856, S. 50.

³ E. d. Meyer—Geschichte des Altertums, II, Stuttgart 1893, S. 676—677.

⁴ К. J. Beloch—Griechische Geschichte, 2 Aufl. I, 1, Strassburg, 1912, S. 260; II, 2, Strassburg, 1913, S. 235.

⁵ E. N. Minns—Scythians and Greeks, Cambridge 1913, p. 515. Миннс осторожно говорит, что Херсонес, возможно, был основан демократами, изгнанными из Гераклеи вскоре после ее основания.

⁶ М. Rostovtzeff—Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, p. 63.

⁷ С. А. Селиванов—О Херсонесе Таврическом. Речь, Одесса, 1898, стр. 16—17.

⁸ А. Бобринский—Херсонес Таврический, исторический очерк. ПБ, 1905, стр. 8.

⁹ Е. Э. Иванов—Херсонес Таврический, историко-археологический очерк; Симферополь, 1912, стр. 8.

¹⁰ Ю. В. Готье—Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, Ленинград, 1925, стр. 175.

¹¹ Thirion—De civitatibus quae a Graecis in Chersoneso Taurica conditae fuerunt, p. 30.

¹² В. Бузескул—Изучение древностей северного побережья Черного моря, Киев 1927, стр. 11.

дервирт¹, С. А. Жебелев² и вслед за ним Г. Д. Белов³, неопределенно к V в.—Ю. А. Кулаковский⁴, И. И. Толстой⁵ и Л. Моисеев⁶. К концу V или началу IV в.—Е. Штерн⁷, наконец, к первой половине IV в.—Бертье-Делагард⁸, А. Кацевалов⁹, Брандис¹⁰ и Н. И. Репников¹¹.

Все эти разнообразные гипотезы о времени возникновения Херсонеса по существу, как видим, могут быть разделены на две основные группы: это, с одной стороны, гипотезы, признающие раннее возникновение Херсонеса и относящие его к VII—VI вв., причем в таком случае основание херсонесской колонии связывается с общей торговой колонизацией области Понта и рассматривается, как завершительный момент этой последней. Другая основная группа гипотез, напротив, считает временем возникновения Херсонеса или конец V в. или, чаще, первую половину IV в., связывая основание колонии исключительно с событиями внутренней или внешней истории ее метрополии—Гераклеи. Особую модификацию датировок возникновения Херсонеса представляет предположение о существовании на месте позднейшего Херсонеса еще до основания здесь поселения гераклейцев ионийской—милетской (Р о с т о в ц е в)¹² или теосской (С. А. Ж е б е л е в и вместе с ним Г. Д. Б е л о в)¹³ торговой фактории. Существование такой фактории предполагается в VI в. и даже еще в конце VII в., основание же гераклейской колонии относится к началу или, во всяком случае, к первой половине V в., что связывается с фактом ослабления и начинающегося упадка Милета к этому времени. Несколько неожиданно то же предположение о существовании на месте Херсонеса до его основания ионийской фактории разделяет и Н. И. Репников, держащийся, как мы видели, гипотезы позднего происхождения гераклейского Херсонеса: существование ионийской фактории он относит к концу V в., основание гераклейской колонии—к первой половине IV в.¹⁴

Такое расхождение во взглядах исследователей на время возникновения Херсонеса обуславливается не только и не столько недостаточностью наших сведений об этом, сколько игнорированием и иногда сознатель-

¹ Н. Schneiderwirth—Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim), Berlin, 1897, S. 3—4.

² С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса Таврического, «Доклады Академии наук», 1930, № 9, стр. 160. Ср. его же—Херсонесская присяга, «Известия ООН», 1935, № 10, стр. 915.

³ Г. Д. Белов—Музей и раскопки Херсонеса, Симферополь, 1936, стр. 8.

⁴ Ю. А. Кулаковский—Прошлое Тавриды, Киев, 1906, стр. 6.

⁵ И. И. Толстой—О. Белый и Таврика на Евксинском Понте, П. 1918, стр. 94.

⁶ Л. Моисеев—Из истории зап. побережья Тавриды [оттиск из «Известий Тавр. уч. арх. комиссии», 54 (1918) стр. 1].

⁷ Е. Штерн—О местоположении древнего Херсонеса, Одесса, 1908, стр. 25. Его же—Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes, «Hermes», L (1915), S. 174.

⁸ А. Л. Бертье-Делагард—О Херсонесе, ИАК (1907), стр. 196.

⁹ А. Кацевалов—Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі Чорного моря, «Збірник законодавства Всеукраїнської Академії наук», Київ, 1929, стр. 21 (со ссылкой на Бертье-Делагарда).

¹⁰ Brandis—Chersonesos, RE, III, S. 2263.

¹¹ Н. И. Репников—Памятники аграрного устройства автономного Херсонеса (рукопись), стр. 263

¹² Ionians and Greeks, p. 63; ср. «Эллинизм и иранство на юге России», стр. 80.

¹³ С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса, стр. 161; Г. Д. Белов—ук. соч., стр. 8.

¹⁴ Н. И. Репников—ук. соч., стр. 263.

ным отклонением имеющихся данных. Вместо анализа и исследования тех сообщений об основании Херсонеса, какие дает античная литературная традиция, при решении вопроса обычно довольствуются соображениями общего характера. Так, Эд. Мейер, Белох и Жебелев исходят из предположения, что Херсонес должен был быть основан вскоре после другой колонии Гераклеи—Каллатиса, основание которого относится к последней четверти VI в. Миннс ставит в связь основание Херсонеса с олигархическим переворотом, происшедшим в Гераклее вскоре после ее возникновения. Ростовцев в качестве мотива к основанию гераклеяцами колонии на Крымском полуострове предполагает желание их иметь собственную гавань для получения крымского хлеба. В торговых же целях, в желании завязать «хотя и опасную, но приносящую денежный доход торговлю с тавроскифами» («*zwar gefährlichen, aber goldbringenden Verkehr mit den Taurosphythen*»), усматривает главный мотив основания херсонесской колонии и Шнейдервирт¹. Беккер исходит из первоначального названия города Мегарикой, когда связь с Мегарами еще не забылась. Тирион связывал время основания Херсонеса с освобождением Делоса и других островов Эгейского моря от персидского владычества². Бобринский и Иванов видели подтверждение устанавливаемой ими даты в факте упоминания Херсонеса в Перипле Скилака, современника царя Дария. Наконец, исследователи, относящие время основания Херсонеса к первой половине IV в., связывают это событие с войной, которую гераклеяцы вели в это время из-за Феодосии с боспорскими царями (Сатиром и затем Левконом). При этом основание Херсонеса относят или ко времени до начала этой войны, и в таком случае война рассматривается, как оборонительная, в целях приобретения в Феодосии своего рода форпоста для защиты вновь основанной колонии от посягательств со стороны Боспора (Б р а н д и с), или же, напротив, после этой войны, как следствие неудачи, постигшей гераклеяцев в их попытке овладеть Феодосией и таким образом укрепиться на Крымском полуострове (Б е р т ь е-Д е л а г а р д).

Не говоря уже о Бобринском и Иванове, которые или игнорируют или просто-напросто не знают того факта, что Перипл Скилака в действительности не принадлежит ему и составлен не ранее второй половины IV в.³, и доводы, приводимые другими исследователями в обоснование их датировок, по существу, оказываются также малоубедительными. Так, предполагают, что основание Херсонеса должно было последовать вскоре после основания Каллатиса. Но уже если строить подобного рода предположения, то более правдоподобной, думается, является обратная мотивировка: сама недавно основанная Гераклея вряд ли была бы в состоянии да и вряд ли имела бы основания для вывода двух новых колоний подряд. Гораздо вероятнее, напротив, предполагать более длительный промежуток между временем основания обеих колоний Гераклеи. Не более убедительны и соображения Миннса о выселении из Гераклеи демократов в результате последовавшего вскоре после возникновения этого города олигархического переворота. Правда, по свидетельству Аристотеля (если

¹ S c h n e i d e r w i r t h—Das pontische Heraklea, Kather. Gymnasium zu Heiligenstadt. Bericht über das Schuljahr 1881—1882, Heiligenstadt, 1882, S. 16.

² «Eo tempore, quo Delii ceterarumque maris Aegaei insularum cives in Persarum ditionem antea reducti sese in libertatem vindicaverunt», p. 30 (цитировано по B r a n d i s, S. 2262).

³ Действительная хронология Перипла была установлена еще Мюллером (Geographi graeci minores, I, p. XLIV).

только у него действительно речь идет о Гераклее Понтийской), олигархический переворот действительно имел место в только что основанной Гераклее¹, но, с одной стороны, результатом удаления демократических элементов из Гераклеи могло явиться основание Каллатиса, дата которого нам приблизительно известна, с другой же стороны, внутренняя борьба продолжалась в Гераклее и в течение двух последующих столетий, что могло неоднократно подавать также поводы для повторного выселения побежденной партии. Совершенно неосновательны предположения Ростовцева и др. о том, что гераклеяцы, основывая Херсонес, могли иметь в виду приобретение торговой гавани для вывоза крымского хлеба. Для подобного назначения именно Гераклеяский полуостров, отрезанный рядом горных хребтов от степного Крыма, годился менее всего. Если бы гераклеяцы действительно ставили себе такую цель, они основали бы колонию не в Херсонесе, а на месте Керкинитиды или где-нибудь в другом пункте западного побережья Крыма. Еще менее вероятно предположение Шнейдервирта о том, что гераклеяцы, основывая Херсонес, рассчитывали получить какие-то денежные выгоды от торговли с населением бедной и полудикой Таврики. По тем же соображениям и, прежде всего, в силу отсутствия данных для сколько-нибудь значительного развития местной торговли, маловероятным представляется и существование на Гераклеяском полуострове какой-либо ионийской торговой фактории, тем более в конце V в., как предполагает Н. И. Репников, когда Милет и другие ионийские города оттеснены были Афинами и переживали состояние временного упадка. Нет, наконец, никакой необходимости связывать дату возникновения Херсонеса с войной Гераклеи против Боспора. Вряд ли можно предположить у гераклеяцев намерение подчинить себе Феодосию, так как для того, чтобы подчинить себе независимый греческий город и удержать его против такого могущественного соседа, как Боспор, у них не оказалось бы ни достаточных средств, ни возможности. Дело, повидимому, сводилось к отправке вспомогательного корпуса в помощь Феодосии в ее борьбе против наступления со стороны Боспора². Но в таком случае, если война со стороны Феодосии носила оборонительный характер, и агрессия исходила не от Гераклеи, а от Боспора, то у нас есть все основания связывать начало этой войны с фактом установления монархии и роста внешнего могущества Боспора, но никак не с фактом недавнего основания Херсонеса, как полагает Брандис.

Таким образом, как видим, все соображения, на которых строились различные датировки времени возникновения Херсонеса, оказываются шаткими и недостаточными. Правда, делались попытки обосновать ранние датировки, в частности, предположение о первоначальном существовании на Гераклеяском полуострове ионийской фактории, археологическим материалом; однако при ближайшем рассмотрении и эти аргументы не выдерживают критики. Уже самый тот факт, что существование ионийской фактории в VI в. и даже в VII в. констатируется на основании единичных находок ионийских черепков, сам по себе способен вызвать сомне-

¹ Аристотель—*Политика*, V (VIII), 4, 2. «Ниспровергнута была демократия и в Гераклее тотчас же после основания там колонии, благодаря демагогам: притесняемые ими аристократы удалились в изгнание, затем изгнанники объединились и, возвратившись в Гераклею, уничтожили в ней демократическое правление» (цитировано по переводу С. А. Жебелева, стр. 20).

² Ср. С. А. Жебелева—*Боспорские этюды*, ИГАИМК, вып. 104 (1934 г.), стр. 14—16.

ние. «Тут,—по справедливому замечанию акад. С. А. Жебелева,—или явное недоразумение или значительное преувеличение»¹. Достаточно сопоставить эти единичные находки с тем обильным материалом, какой обнаружен был на месте существования действительной ионийской фактории на о. Березани, чтобы видеть в этих ионийских черепках не доказательство существования здесь постоянной торговой фактории, но, в лучшем случае, результат случайного обмена проезжих ионийских мореплавателей, заходивших в Херсонесскую гавань, с туземным населением². Однако даже и в таком предположении случайного торгового обмена, по крайней мере в более раннюю (до V в.) эпоху, нет необходимости, так как, в конце концов, по компетентному отзыву Т. Н. Книпович, и те немногие черепки, какие были найдены в Херсонесе, не принадлежат ни к VI в. ни, тем более, к VII в. и, например, склеенные черепки, обозначенные в описи предметов, найденных при раскопках Р. Х. Лепера, громким названием «навкратийского кубка», представляют собою не более, как «дюжинный ионийский сосуд, относящийся к V в. или, быть может, к началу IV в.»³.

2

Непосредственной причиной той неопределенности, в какой вопрос о дате возникновения Херсонеса остается до настоящего времени, является, как сказано, игнорирование данных, имеющихся по этому вопросу в античных литературных источниках, и подмена анализа этих данных соображениями и предположениями более или менее субъективного характера. Обратимся же к этим данным и посмотрим, нельзя ли в них найти ключ к разрешению вопроса. Сведения эти, в сущности, исчерпываются кратким сообщением, содержащимся в Перизегезе («Землеописании») Псевдоскимна. Цитирую это место по переводу Н. Бережкова в издании В. В. Латышева⁴: «с этими местами граничит так называемый Херсонес Таврический с эллинским городом, основанным Ге(и)раклеотами и Делосцами (Делийцами) (ἦν Ἡρακλεῶται Δῆλιοι τ'ἀπὸρῆσαν) вследствие данного Ге(и)раклеотам. живущим в Азии по сию сторону Кианей, прорицания заселить вместе с Делосцами (Делийцами) (ἄμα δῆλίοισι) Херсонес. В эту местность Таврики, говорят некоторые, прибыла некогда Ифигения, похищенная из Авлиды».

Содержание приведенного отрывка сводится в сущности к краткому указанию, что Херсонес основан был гераклейцами вместе с делосцами по предписанию оракула (дельфийского). Из этого сообщения обычно принимается, как бесспорный, лишь факт основания Херсонеса гераклейцами, факт же участия в колонизации Херсонеса делосцев обычно или игнорируется или прямо отрицается. Так, Брандис выражает сомнение в совместном участии дорян гераклейцев с ионянами делосцами в одном предприятии. Свои сомнения он подтверждает ссылкой на факт отсутствия в диалекте и в магистратурах Херсонеса каких-либо ионийских элементов, что должно было бы быть в случае участия в основании города делосцев. Вместо делосцев (Δῆλιοι) он предлагает, поэтому, читать «дельфийцы»

¹ С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса, «Доклады Акад. наук», 1930, 9, стр. 158.

² Такие же случайные находки греческой керамики VI—V вв. имели место, например, и в области тавров на урочище Форос. См. Н. И. Репников—Предполагаемые древности тавров («Известия Тавр. общ. истории, археологии и этнографии», т. I (58), 1927, стр. 140).

³ С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса, стр. 158.

⁴ В. Латышев—Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб, 1890, стр. 88—89.

(*Δελφοί*). Согласно принятому Брандисом чтению, Херсонес был основан по указанию дельфийского оракула гераклейцами, но совместно не с делосцами, а с самими дельфийцами¹. К сомнению Брандиса присоединяется Миннс, также предполагающий в данном месте порчу текста (а confusion with the tradition) и ссылающийся на отсутствие ионийских элементов в языке и установлениях Херсонеса². Сомнение в возможности участия делосцев в колонизации Херсонеса высказывал также Бертье Делагард³.

Возражая Брандису и совершенно резонно указывая при этом, что факт переселения в Херсонес части дельфийцев сам по себе не менее трудно допустим, и что самая замена слова *Δήλιοι* в написанном ямбическим триметром произведении Псевдоскимна словом *Δελφοί* нарушило бы правильность скандовки стиха, акад. С. А. Жебелев, к сожалению, сам тем не менее пошел по тому же пути сомнения в точности сообщений источника⁴. И он, равным образом, не находит возможным допустить факт участия делосцев в основании Херсонеса. «История Делоса,—пишет акад. С. А. Жебелев,—известна хорошо, и мы не слышим, чтобы он когда-либо принимал участие в основании какой-либо колонии. В VII—VI вв., в эпоху развития греческой колонизации, Делос имеет важное значение как религиозный центр, объединяющий ионийцев вокруг культа Аполлона. В V в. Делос находится всецело в сфере афинского влияния»⁵. Отвергая чтение *Δήλιοι*, акад. С. А. Жебелев исправляет текст, «считаясь, помимо палеографических соображений, и с метрическими требованиями, и с реальной ситуацией». «В силу первых,—замечает он,—направляющиеся прежде всего *Μιλήσιοι*, *Μιλήσιοισι* исключаются. В силу вторых ближе всего подходило бы *Τήλιοι* и *Τήλιοισι*; Теос, колонизовавший Фанагорию, был связан с Северным Причерноморьем»⁶.

Как видим, и в основе сомнений акад. Жебелева, как и Брандиса, лежит не критика текста по существу, но лишь соображения, в сущности, субъективного свойства о том, что делосцы, по тем или иным причинам и условиям, с точки зрения обоих исследователей, не могли и, следовательно, не должны были принимать участия в основании Херсонеса.

Но обратимся к самому разбираемому источнику и посмотрим, в какой мере, действительно, обоснованы сомнения по поводу сообщаемых им о возникновении Херсонеса сведений. Перизгез («Землеописание») Псевдоскимна представляет собой чисто компилятивное произведение, относящееся, повидимому, к последней четверти II в. до н. э.⁷ В основу описания берегов Понта Псевдоскимном положены, с одной стороны, географическая часть истории Эфора, с другой—географическое сочинение об Азии и Европе (*Περὶ Ἀσίας καὶ Εὐρώπας*) Димитрия из Каллатиса (жившего в конце III в.). Ссылки на Эфора в описании Понта делаются трижды, на Димитрия—два раза⁸. Но именно в части, касающейся Гераклейского

¹ Brandis, RE, III, S. 2262.

² Minns—Scythians and Greeks, p. 515.

³ А. Л. Бертье-Делагард—О Херсонесе, ИАК, 21 (1907), стр. 196, прим. 1.

⁴ С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса, стр. 160 сл.

⁵ Там же, стр. 160—161.

⁶ Там же, стр. 161.

⁷ Основанием для датировки Перизгега Псевдоскимна является посвящение его финскому царю Никомеду (v. 20). Это мог быть только или Никомед II (147—95 гг.) или Никомед III (95—75 гг.). К. Müller, относя посвящение к Никомеду III, определяет дату составления Перизгега ок. 90 г. Однако Paretì (Atti d. r. Accad. di Torino, 45, 1910, стр. 249 сл.) приводит убедительные доказательства в пользу более ранней датировки, именно между 133 и 110 гг.

⁸ P. S. S. с у т п., ссылки на Эфора—ст. 841, 870, 880, на Димитрия—ст. 796, 879.

полуострова, в частности г. Херсонеса, источником Псевдоскимна должен был служить Димитрий из Каллатиса. К такому выводу приходит М. И. Ростовцев в результате специального анализа источников Псевдоскимна: «Интересно,—замечает он,—что там, где мы имеем несомненную эфоровскую традицию, мы сейчас же замечаем тесную связь с Геродотом. Та же теснейшая связь ясна с первого взгляда и в описании Скифии, которую Псевдоскимн вводит определенной цитатой Эфора (ст. 841—865). Это одно уже должно было бы показать Доппу¹, что предшествующее описание Крыма с Херсонесом не может быть эфоровским (ст. 823—835). Не может быть эфоровской и характеристика таврономадов, как варваров и убийц... В изображении Эфора и его последователей и тавры испытали известную идеализацию². Но и независимо от всех этих соображений мы уже по одному тому имеем все основания приписать сообщение о Херсонесе именно Димитрию, а не Эфору, что представляется сомнительным, чтобы малоизвестный в то время в Греции Херсонес привлек к себе внимание Эфора, тем более, что Эфор вряд ли мог располагать и какими-либо сведениями об его основании. Зато, напротив, именно Димитрий, живший в Каллатисе (родом он был из Одессы), колонии, основанной той же Гераклеей, как и Херсонес, имел и больше оснований интересоваться Херсонесом и больше возможностей получить сведения о нем. Итак, наши сведения об основании Херсонеса восходят к Димитрию из Каллатиса. Но именно Димитрий уже в древности считался надежнейшим авторитетом в области географии Понта³. Помимо Псевдоскимна им широко пользовались и другие позднейшие географы—Агафархид и Страбон. В своих сообщениях он или исходил из собственных наблюдений или же черпал свои сведения из первых рук и из первоисточников⁴ и, как уже указывалось, именно в вопросе о Херсонесе мог почерпнуть свои сведения из наиболее непосредственных источников.

Но если, таким образом, первоисточник, к которому восходят наши сведения о Херсонесе, заслуживает полного доверия, то, с другой стороны, у нас в сущности нет никаких оснований предполагать в данном случае и порчу первоначального текста при переписке, поскольку предположение о такой порче текста базировалось исключительно на чисто субъективных соображениях, что Делос не мог и, следовательно, не должен был участвовать в основании Херсонеса. Стоит только не согласиться с этими соображениями (а мы ниже увидим, что они в действительности фактами не оправдываются), и вместе с этим отпадает и необходимость признавать предполагаемую порчу текста. Предполагать в данном случае ошибку переписчика у нас тем менее оснований, что уже в самом тексте упоминание делосцев встречается дважды (ст. 824 и 827), и, таким образом, мы должны уже предполагать не единичную, а двойную опisku. Но этого мало. Перизгез Псевдоскимна, составитель которого заимствовал свое сообщение о Херсонесе у Димитрия, сам, в свою очередь, послужил одним из источников для позднейшего составителя перипла Евксинского Понта (т. н.

¹ Имеется в виду автор монографии «Die geographischen Studien zur Ephoros», 1—III (1901—1909), который мало внимания уделял Димитрию, как автору, служившему наряду с Эфором источником Псевдоскимна.

² М. И. Ростовцев—Скифия и Боспор, Л. 1925, стр. 28. (в нем. издании—«Skythien und Bosphorus», Berlin, 1931, S. 29).

³ См. Sch w a r t z—Demetrios von Kallatis. RE, IV, S. 2807, cp. W. Christ—W. Schmidt—Geschichte d. griechischen Literatur, II, 1⁵, München, 1909, S. 186.

⁴ Sch w a r t z, ук. соч., стр. 2807.

Анонима, V в. н. э.), и здесь¹ цитированное нами выше место (с двукратным упоминанием делосцев) приводится текстуально. Но в таком случае мы должны предположить, что этот позднейший автор пользовался именно испорченным экземпляром, что представляется еще менее вероятным.

3

Таким образом, у нас, как видим, нет оснований для того, чтобы отвергать достоверность содержащегося у Псевдоскимна сообщения. Мало того, вся последующая история взаимоотношений между Делосом и Херсонесом, с одной стороны, Дельфами—с другой, может быть понята лишь в свете сообщения Псевдоскимна². Сомнение в достоверности сообщения Псевдоскимна не имеет под собою почвы и закрывает путь для дальнейшего исследования. Исследователи, не признающие факта участия делосцев в основании Херсонеса, вместе с этим сами лишают себя того ключа к установлению как более точной даты, так и обстоятельства возникновения Херсонеса, ибо этот ключ как раз и заключается в тех самых моментах и обстоятельствах, которые обычно служат основанием для сомнения в достоверности всего известия. Нам говорят, что участие делосцев в основании Херсонеса представляется невозможным, так как Делос вообще не участвовал и не мог участвовать ни в какой колонизации, так как самое участие гераклейцев-дорян и делосцев-ионян в одном предприятии сомнительно, так как, наконец, Делос входил в состав Афинского морского союза, враждебного Мегарам и их колониям. Все это так. Но если само по себе участие делосцев в основании колонии гераклейцами представляется маловероятным, то вместо того, чтобы на основании одного этого сомнения отвергать самый факт, методологически более правильно было бы попытаться найти в истории того и другого города какие-либо исключительные обстоятельства, которые сделали бы соучастие их в основании колонии, во всяком случае, возможным, а быть может и необходимым. При этом именно самая исключительность этих обстоятельств помогла бы нам установить более точную дату основания Херсонеса, поскольку в другое время в обычных условиях, и прежде всего в условиях зависимости Делоса от Афин, соучастие делосцев и гераклейцев в одном предприятии, действительно, представлялось бы маловероятным, чтобы не сказать исключенным. И в истории Делоса и Гераклеи, действительно, были обстоятельства, сблизившие на один момент судьбы того и другого города. Эти обстоятельства имели место в первый период Пелопоннесской войны (во время так наз. Архидамовой войны). На них мы теперь специально и остановимся.

Начнем с Делоса. Делос входил в состав Афинского морского союза. Однако заключать отсюда о враждебности его населения в отношении Мегар и их колоний, входивших в антиафинскую коалицию, и, следовательно, о невозможности совместного предприятия Делоса с колонией Мегар Гераклеей было бы слишком поспешно. Факт вхождения Делоса в союз, несмотря на ту существенную роль, какую он играл в союзе, не только не исключал, а, напротив, именно создавал напряженные отношения между ним и городом-гегемоном. Весь полуторастолетний период хозяйничания Афин полон фактами враждебных выступлений населе-

¹ Ἀνωτόμου Ἀρριάνου ὡς φέρεται περίπλους, 80 (В. Латышев—Известия древних писателей..., вып. 1, стр. 283—284).

² См. ниже II—Херсонес и Делос.

ния острова против афинян и попыток освободиться от афинской зависимости. Уже в начале Пелопоннесской войны напряженность отношений между делосцами и афинянами достигла такой степени, что афиняне выселили с острова все его население. Делосцы нашли временный приют в Атрамиттии в Малой Азии и были возвращены лишь спустя год после заключения мира со Спартой и прекращения военных действий и притом по специальному настоянию дельфийского оракула. Окончательное поражение и катастрофа Афин освободили Делос от афинской зависимости, причем инициатива этого освобождения исходила от самих делосцев, о чем свидетельствует обращение их к спартанскому царю Павсанию¹. Освобожденный от афинской зависимости, Делос сближается со Спартой, о чем свидетельствуют пожертвования, сделанные в сокровищницу храма Лисандром и затем спартанским навархом Фараксом². Когда в результате победы при Книде и, в особенности, с основанием второго морского союза афиняне вновь утвердились на острове, это вызвало реакцию со стороны местного населения, реакцию, выразившуюся в удалении и в изгнании из храма афинских амфиктионов (*ἀμφικτιόνες Ἀθηναίων*, как именовались они в документах). Дело на этот раз окончилось присуждением к штрафу и к изгнанию нескольких делосских граждан³. Распад союза в результате так наз. союзнической войны и затем неудачи афинян в войне с Филиппом вновь пробуждают надежды делосцев на освобождение от афинской зависимости, и они с этой целью обращаются в Дельфы к совету пифийской амфиктионии в расчете на поддержку председательствовавшего в совете Филиппа⁴. Это настроение одновременно нашло себе отражение в преследовании сторонников Афин⁵. На этот раз, однако, Филипп, только что заключивший так наз. Филократов мир с Афинами, не желая вновь ссориться с афинянами, не поддержал ходатайства делосцев, и Делос окончательно освободился от Афин лишь тридцать лет спустя, в годы войны диадохов. Уже из этого краткого очерка взаимоотношений Афин и Делоса нетрудно убедиться, что отношения эти были не таковы, чтобы они исключали возможность сближения Делоса с врагами Афин. Напротив, мы видим, что делосцы при всяком удобном случае ищут такого сближения (сначала со Спартой, затем с Филиппом Македонским).

Из всех этих событий внешней истории Делоса наше внимание прежде всего должен привлечь к себе факт изгнания делосцев с острова в первые годы Пелопоннесской войны, так как, с одной стороны, именно в этом факте обострение взаимоотношений с Афинами выступило в особо отчетливой и осязательной форме, а, с другой стороны, в связи именно с этим фактом, делосцы, никогда не принимавшие участия в колонизации, на что справедливо обращает внимание акад. С. А. Жебелев, должны были так или иначе искать новых мест для поселения⁶. Напряженность отношений

¹ P l u t.—Apopht. Lacon., 15. Об освобождении Делоса свидетельствует спартанский декрет 402 г. Syll.³, 119-a.

² IG. XI,2, 161 B, 1. 59. Вклады Лисандра и Фаракса фигурируют и во всех последующих инвентарях вплоть до римской эпохи.

³ IG II,2, 1635 (Syll.³, 153 c.), 1.134 sc.

⁴ De m., XVIII (περὶ τοῦ στεφάνου), 134—135; ср. S c h ö f f e r—De Deli insulae rebus, Berlin, 1889, S. 85.

⁵ Об этом свидетельствует афинский декрет в пользу делосца, пострадавшего от этих преследований. IG II², 1, 222; Syll.³ 226, также 158; ср. D u r g b a c h—Chix d'inscriptions de Délos, Paris 1921, № 10, p. 10—12.

⁶ На связь между фактом изгнания делосцев и их участием в основании Херсонеса обратил внимание S c h e i d e r w i r t h—ук. соч., стр. 15. В своей позднейшей специальной работе о Херсонесе (1897) он относит, как мы уже знаем, время основания

между Афинами и Делосом, как и в отношениях с другими «союзниками», восходит, в сущности, еще к половине V в.¹ С перенесением союзной казны в Афины афиняне оставили в своих руках и распоряжение храмовым имуществом Аполлона на Делосе. Об этом свидетельствуют отчеты должностных лиц из афинян, носивших соответственно и наименование Ἀθηναίων ἀμεικτούνης. Такие отчеты сохранились, например, от 434/33 г. (год архонства Кратета в Афинах)² и от 410/09 г. (в архонство Главкиппа)³. Распоряжение делосской сокровищницей оставалось в руках «афинских амфикионов» и в IV в., после нового водворения там афинян⁴. Уже такое хозяйничание не могло не вызвать раздражения со стороны жителей острова. Но вмешательство афинян на этом не остановилось. Зимой 426 г. афиняне произвели очищение всего острова, для чего все гробы с покойниками были удалены, причем и в последующее время воспрещено было хоронить и рожать на острове. Умиравших и роженцев с этой целью предписывалось перевозить на соседний остров Ренею. По очищению острова афиняне ввели здесь новый праздник (пентетэрию), справлявшийся с особым торжеством через каждые 4 года с мусическими, гимническими и гиппическими состязаниями, праздник, совершенно затмивший справлявшийся до того ежегодный местный праздник Аполлона⁵. Это уже было вмешательством не только в финансовое управление, но и в религиозную жизнь и даже в бытовые условия, вместе с чем затрагивались интересы всего населения острова. Естественно, что такая мера должна была вызвать вообще недовольство, вылившееся, по всей вероятности, в достаточно резкой форме. Во всяком случае, уже спустя менее пяти лет после того афиняне решили прибегнуть к решительной мере в виде выселения всех жителей с острова⁶. О причине изгнания Фукидид говорит очень неопределенно: «афиняне выселили с Делоса делосцев, придя к тому убеждению, что остров был признан священным прежде, чем его жители очистились от некоей давней вины (ἡγήσάμενοι κατὰ παλαιάν τινα αἰτίαν οὐ καθαρὸς ἔντας), что и сами афиняне недостаточно еще исполнили дело очищения острова, удалив с него гробницы умерших и сочтя это правильным»⁷. Фукидид, очевидно, передает официальную афинскую версию. Ссылка на некую давнюю вину служила только предлогом, так как иначе эта «давняя вина» фигурировала бы еще во время первоначального очищения острова. Более определенно говорит о факте изгнания и о его мотивах Диодор, и повидимому, в данном случае его сообщение, восходящее, быть может, к Эфору, заслуживает большего доверия: «Афиняне, — по его сообщению, — обвинив делосцев в заключении тайной симмахии с лакедемонянами, изгнали их с острова и удержали город за собой». Мы уже знаем, что именно победе Спарты делосцы впоследствии были обязаны своим освобождением. Из другого источника нам известно, что делосцы

Херсонеса к началу V в. Повидимому, смущенный более ранними датами (VI в.) основания Херсонеса, устанавливаемыми такими авторитетами, как Э. Мейер и Белох, Шнейдервирт поспешил отказаться от своего первоначального мнения.

¹ S c h ö f f e r—De Deli insulae rebus, p. 27.

² IG I², 377.

³ BCH VIII, (1884), p. 283.

⁴ Сохранились отчеты афинских амфикионов, начиная с первого десятилетия IV в. и кончая 333/32 гг. IG II,2, 1633—1653; BCH, X (1886), 461 (364/63 г.), VIII (1884), p. 294 (341/40). Участие андросских амфикионов было, повидимому, лишь номинальным, ср. S c h ö f f e r, S. 74.

⁵ T h u c., III, 104, 2—3.

⁶ T h u c., V, I; D i o d. XII, 73, 1.

⁷ Цитировано по переводу Мищенко—Жебелева, т. II, стр. 3.

обращались к спартанскому царю Павсанию (Павсаний ошибочно назван у Плутарха сыном Клеомброта вместо Плистоанакта) и что содержание этого обращения составляли именно жалобы на лишение их обладания островом, где ни умершие не должны были погребаться, ни женщины рожать, чем и вызван был насмешливый ответ Павсания: «Какая же это ваша родина,—отвечал он посланцам,—если вы не можете там ни родиться, ни оставаться после смерти»¹. Хотя это обращение и имело место, повидимому, двадцать лет спустя, уже после падения Афин², все же в нем достаточно определенно выявляются причины и поводы, вызывавшие прежде всего враждебное отношение делосцев к Афинам и вместе с тем сочувственное отношение к их врагам, которое и должно было проявиться с особой силой в годы, непосредственно следовавшие за мерами, проведенными афинянами на острове. Не забудем, что и в Афинах это было время господства Клеона, сторонника крайних и решительных мер в отношении союзников.

Какова же была судьба изгнанных с острова делосцев? Согласно обоим нашим источникам, они удалились в Атрамиттий, город на побережье Малой Азии в Мисии, предоставленный им персидским сатрапом Фарнабазом³. Однако и с переселением в Атрамиттий злключения делосцев не прекратились. Приглашенные Фарнабазом делосцы встретили здесь враждебное отношение со стороны местного персидского правителя Арсака и, вероятно, и со стороны местного населения. У Фукидида⁴ мы находим сообщение, что Арсак возымел вражду к делосцам, поселившимся в Атрамиттии. Выманив лучших из них, как рассказывает Фукидид, из города под предлогом снаряжения в военный поход, он неожиданно для них окружил их своими воинами и велел перебить дротиками. В таком положении со стороны делосских изгнанников вполне естественно было искать нового места для поселения. Спустя год после изгнания жителей Делоса, летом следующего 421 г., афиняне разрешили им вернуться обратно⁵. Сделано это было, как говорят наши источники, по предписанию дельфийского оракула⁶. Решающую роль при этом, конечно, играло не столько данное из Дельф предписание, сколько торжество в это время мирной партии в Афинах и факт заключения мира и даже союза со Спартой за время после изгнания делосцев. Возможно, что и самый оракул был дан по согласованию со Спартой и ее союзниками. Для нас, во всяком случае, представляет интерес то обстоятельство, что именно в данный момент делосцы находились под специальным покровительством со стороны дельфийского божества.

¹ P l u t.—Apopht. Lacon., 15.

² Правда, Павсаний еще и в 426 г. был царем Спарты, так как его изгнанный отец Плистоанакт только в этом году вернулся в Спарту и был восстановлен в звании царя, однако обращение к нему делосцев уже в это время маловероятно, так как меры Афин, вызвавшие жалобы делосцев, были приняты лишь в конце этого и, быть может, в начале следующего года. Насмешливый ответ Павсания объясняется, повидимому, его склонностью к более мягким условиям мира; напротив, именно Лисандра мы встречаем в числе жертвователей и, вероятно, сторонников освобождения Делоса.

³ T h u c., V, 1; D i o d. Sic., XVI, 73, 1.

⁴ T h u c., VIII, 108, 4.

⁵ T h u c., V, 32, 1; D i o d. Sic., XII, 77, 1. Диодор дает дату годом позже, в архонство Астифила, т. е. 420—419 гг. Но, несмотря на точную датировку, все же свидетельству Фукидида мы должны отдать предпочтение (ср. S c h ö f f e r, стр. 42). Фукидид указывает, что на возвращение делосцев афиняне решились, между прочим, под впечатлением военных неудач (именно, поражений при Делионе и Амфиполе).

⁶ Τὸ ἐν Δελφοῖς θεοῦ χρησάντος (Фукидид); κατὰ τινὰ χρησμόν (Диодор)

Таким образом, именно в эти годы (422 и 421) в истории Делоса мы находим и факт особого обострения отношений с Афинами и, следовательно, сближения с противниками Афин, и факт вынужденного выселения, и, наконец, факт специального покровительства делосским изгнанникам со стороны Дельф. Но именно стечение всех этих обстоятельств как раз и могло составить необходимую предпосылку как для участия Делоса в колониальном предприятии, так, в частности, и для участия в таком колониальном предприятии совместно с мегарской колонией Гераклеей, и, наконец, для вмешательства в дело основания колонии со стороны дельфийского оракула.

Обратимся теперь к истории Гераклеи и посмотрим, что происходило там в эти годы. Основана была Гераклея в половине VI в. мегарцами при участии беотийцев (одни источники говорят об участии в основании Гераклеи танагрцев, другие—фивян)¹. Поводом к основанию ее послужила происходившая в это время ожесточенная внутренняя борьба в Мегарах. Такая же ожесточенная борьба вскоре после основания вспыхивает в самой Гераклее². С этого времени в течение последующих двух столетий до установления тирании Клеарха внутренняя борьба, то вспыхивая, то замирая, здесь не прекращалась³. Мы знаем, с другой стороны, что годы пелопоннесской борьбы были временем наивысшего обострения общественных противоречий в древней Греции и что в это время достаточно было малейшего повода для того, чтобы взаимная ненависть олигархических и демократических элементов прорвалась наружу и вылилась в форме ожесточенной партийной борьбы. Таким поводом для обострения внутренней борьбы в Гераклее и должно было послужить появление афинского стратега Ламаха в понтийских водах в 424 г.

Летом этого года афинский флот под начальством трех стратегов—Демодока, Аристиды и Ламаха—крейсировал у берегов Малой Азии в окрестностях Геллеспонта. В то время как Демодок и Аристид заняты были борьбой с митиленскими изгнанниками, утвердившимися в Антандре (в области Троады), их коллега, небезызвестный Ламах, вошел в Понт, направился в область Гераклеотиды и высадился здесь в устье р. Калета. Вследствие сильных дождей вода в реке поднялась и унесла корабли в море, где они и разбились о скалистый берег⁴. Потерпев таким образом неудачу, Ламах должен был вернуться обратно через земли вифинских фракийцев, выйдя к мегарской колонии Калхедону⁵. Ни у Фукидида, ни у Диодора, сообщающих об этом походе Ламаха, мы более никаких подробностей не находим. Более обстоятельные сведения дает Юстин, включая их в общий экскурс, специально посвященный истории Гераклеи и восходящий, очевидно, к местному источнику: «когда афиняне заняли господствующее положение и, победив персов, наложили на Грецию

¹ Колонией мегарян называют Гераклею Ксенофонт (Anab., VI, 2, 1) и Ариан (Peri 18). Об участии беотян в основании Гераклеи говорят Эфор (fragm. 83, Müller), Псевдоскимн (ст. 973), Юстин (XVI, 3), ср. Steph. Byz., s. v. Πάνηλος (Панелос—участник колонизации Гераклеи, потомок Пенелея, предводителя беотийцев под Троей; II, 11, 494). Об участии танагрцев говорит Paus., V, 26, 7; об участии фивян Suid., s. v. Ἡρακλείδης Εἰφρώνος. Страбон, по очевидному недоразумению, называет основателями Гераклеи милетцев (Strabo, XII, 542, 3, 4).

² Arist.—Pol., V (VIII), 4, 2; ср. выше, стр. 248

³ Ср. Justin., XVI, 3: Multa deinde huius urbis adversus finitimos bella, multae etiam domesticae dissensiones fuere. См. также H. Schneider wirth—ук. соч., стр. 19.

⁴ Thuc., IV, 75, 1—2; Diod. XII, 72, 4.

⁵ Thuc., V, 75, 2.

и Азию дань, предназначенную на содержание флота, все охотно делали эти взносы, служившие для их собственного блага (спасения). Только гераклейцы, дружившие с персидским царем, отказались от взносов. Афиняне послали Ламаха с войском, чтобы вынудить силой то, в чем было отказано. Пока он, оставив у берега суда, опустошал поля гераклейцев, он потерял с большей частью войска свой флот, потерпевший крушение вследствие внезапной бури. Лишившись судов, он не мог вернуться обратно морем и не отважился также с небольшим (оставшимся у него) отрядом следовать через земли стольких диких народов. Однако гераклейцы, полагая более достойным в данном случае оказать поддержку, чем мстить, отослали афинян, дав им съестные припасы и вспомогательный отряд. Они полагали при этом, что хорошо вознаградят себя за опустошение полей, если врагов превратят в друзей»¹.

Уже один факт появления Ламаха в области Гераклеи, о котором говорят Фукидид и Диодор, мог бы сам по себе послужить достаточным основанием для того, чтобы предполагать оживление в связи с этим партийной борьбы в Гераклее. Но в сообщении Юстина мы имеем, повидимому, и более определенные указания на этот счет. Прежде всего мы находим здесь сообщение о дружественных отношениях Гераклеи к персидскому царю: обстоятельство, свидетельствующее о господстве в это время в городе олигархической партии. Об этом же говорит факт упорного нежелания Гераклеи войти в Афинский союз, равно как и самый факт вторжения в Гераклеотиду и опустошения ее полей Ламахом. С другой стороны, и внезапный перелом в настроении и поведении гераклейцев вряд ли в действительности объясняется той игрой в благородство, какую приписывает им Юстин. Мы вправе, повидимому, предположить, что под влиянием факта появления в Гераклеотиде афинян в городе произошел демократический переворот. Гераклеийские демократы, по всей вероятности, и помогли Ламаху выйти из того затруднительного положения, в каком он оказался. Напротив, удаление его, в свою очередь, должно было иметь своим последствием возвращение к власти олигархов и вынужденное выселение демократических элементов и основание ими колонии. Такой ход событий тем более вероятен, что он имел свои прецеденты как в основании самой Гераклеи, так и в условиях основания ее первой колонии Каллатиса. Впрочем, если даже и не предполагать такого обострения партийной борьбы в Гераклее, естественным, во всяком случае, представляется желание гераклейских олигархов освободиться от наиболее демократических и беспокойных элементов населения.

Круг нашего исследования заканчивается. Исследование истории Делоса и истории Гераклеи приводит нас к заключению, что и там и тут в одно и то же время, даже в один и тот же год, создались предпосылки для вынужденной колонизации. Именно этот год является, по всей вероятности, годом основания Херсонеса. Это 422—421 гг. Сообщение об изре-

¹ Justin, XVI, 3: Quum rerum potirentur Athenienses victisque Persis Graeciae et Asiae tributum in tutelam classis descripsissent, omnibus cupide ad praesidium salutis suae conferentibus soli Heracleenses ob amicitiam regum Persicorum collationem abnuerunt. Missus itaque ab Atheniensibus Lamachus cum exercitu ad extorquendum, quod negabatur, dum, relictis in littore navibus, agros Heracleensium populatur, classem cum majore parte exercitus naufragio repentinae tempestatis amisit. Itaque quum neque mari posset, amissis navibus, neque terra auderet cum parva manu inter tot ferocissimas gentes reverti, Heracleenses, honestiorem beneficii quam ultionis occasionem rati, instructos commeatibus auxiliisque dimittunt, bene agrorum suorum populationem impensam existimantes, si, quos hostes habuerant, amicos reddidissent.

чени оракула в интересах делосцев находит себе подтверждение, как мы видели, в факте покровительства в указанные годы Делосу со стороны Дельф. Любопытно, что и этот факт имеет свой прецедент в прошлом Гераклеи, которая сама была основана, как мы видели, не одними мегарцами, но совместно с беотийцами, причем и тогда участие беотийцев было обусловлено предписанием дельфийского оракула¹.

В обстоятельствах изгнания и затем возвращения делосцев на остров легко находит себе объяснение и чисто дорический характер Херсонеса и отсутствие в его жизни каких-либо ионийских элементов. Поскольку делосцы уже через год получили возможность возвратиться обратно, их фактическое участие в основании новой колонии свелось к минимуму, если только вообще не осталось чисто номинальным. Наконец, можно привести еще одно, правда, косвенное, но в связи с другими данными также имеющее свое значение, доказательство в пользу основания Херсонеса гераклеяцами и делосцами именно в указанном году и при указанных обстоятельствах. Изгнанные с острова жители Делоса направились первоначально в Атрамиттий и затем уже оттуда, повидимому, предполагалось участие их в колонизации Херсонеса. Как бы то ни было, происходило ли переселение в Атрамиттий и участие в основании новой гераклеяской колонии одновременно или последовательно, во всяком случае оба города могли так или иначе, пусть номинально, считать и называть своей метрополией о. Делос. И вот с этой точки зрения представляется любопытным и знаменательным тот факт, что если в III в. Херсонес выступает чуть ли не единственной греческой общиной, делающей вклады в делосскую сокровищницу, то столетием раньше в среде жертвователей при таком же незначительном числе греческих общин, делающих вклады на Делосе, мы встречаем неожиданно Атрамиттий, город еще менее значительный и принимавший не большее участие в общегреческой жизни, чем Херсонес².

4

Нам остается остановиться на археологических данных и посмотреть, в какой мере устанавливаемая нами датировка оправдывается этими данными. Сопоставление вещественного материала, найденного в Херсонесе, с вещественным материалом других греческих городов Северного Причерноморья оставляет вполне определенное впечатление о значительно более позднем возникновении Херсонеса. Различие в датировке древнейших вещей Херсонеса и других причерноморских городов достигает ста—полутора лет. В древнейшем греческом поселении в области Северного Причерноморья на о. Березани, поселении, просуществовавшем с VII в. до первых десятилетий V в. и затем утрачивающем значение, найден обильный материал, относящийся почти исключительно к архаической эпохе. Здесь представлены все стили и центры греческого керамического производства, начиная с геометрического стиля³ и кончая аттическими чернофигурными и ранними краснофигурными вазами. Здесь в значительном числе встречается архаическая керамика с о. Феры, милетская, самосская, навкратийская, клазоменская, протокоринфская, коринфская, наконец,

¹ Justin., XVI, 3.

² В инвентаре 364 г., BCH, X, 1886, стр. 462, 1. 13—14.

³ «Arch. Anzeiger», 1910, стр. 227, рис. 27.

как уже сказано, аттическая чернофигурная и ранняя краснофигурная¹.

Возникновение другого древнейшего центра—Ольвии, датировавшееся раньше второй половиной VII в., в настоящее время определяется более поздней датой, именно—серединой VI в. Несмотря на относительно более позднюю дату возникновения Ольвии, и здесь при раскопках был найден богатейший материал, также относящийся к архаической эпохе. В наиболее глубоких слоях Ольвии встречаются отдельные предметы, восходящие к VII в.² Шестой век представлен в Ольвии не только богатейшим, но и самым разнообразным материалом. Как и на о. Березани, мы имеем здесь художественные вазы всех архаических стилей—милетские, родосские, самосские, навкратийские, клазоменские, протокоринфские, халкидские, аттические чернофигурные³, архаические терракоты⁴, фрагменты скульптуры VI в.⁵, предметы туалета и домашнего обихода, зеркала⁶, золотые подвески (в виде львиной головы)⁷, печати со второй половины VI в.⁸ Ольвийские монеты также восходят к началу VI в., быть может, даже ко второй поло-

¹ ОАК, 1901, стр. 133; 1903, стр. 152 сл.; Э. Штерн—«Записки Одесского общ. ист. и древностей» (протоколы заседаний), 1905, № 369; 1906, № 377; 1907, № 384; 1908, № 391; 1909, № 397; 1913, № 430; E. Stern—Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschungen, «Klio» IX (1909), S. 142—144; B. Phargmakowsky, «Arch. Anz». 1909—1910; M. P. P. S.—Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, p. 338—339, 451—452. Ср. Н. Радлов—Два черепка с о. Березани, ИАК, 37 (1910), стр. 81—86; Н. А. Эрман—Навкратийский кубок, найденный на о. Березани, ИАК, 40 (1911), стр. 142—158; ср. Т. Н. Книпович, «Известия ГАИМК», V (1927), стр. 95, табл. XII; М. Болтенко—Допитання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Бористеном; Л. М. Славін—Ольвія, Київ, 1938, стр. 8.

² Б. Фармаковский—Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг., ИАК, 13 (1906), стр. 215 сл. Его же—Oibia, 1901—1908, ИАК, 33 (1909), стр. 118—119. Его же—Архаический период в России, Мат. арх. Росс., вып. 34, табл. I. Его же—Раскопки в Ольвии в 1924 г., «Сообщения ГАИМК», I (1926), стр. 156, рис. 8—9. И. П. Малев—Две архаические коринфские вазы, ИАК, 58 (1915), стр. 57—81. Большая часть вещей, относимых ранее к VII в., в настоящее время датируется более поздним временем (не ранее второй четверти VI в.), см. Т. Н. Книпович—К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. (сб. «Из истории Боспора», М.—Л. 1934, стр. 102—103). Тем не менее наличие вещей VII в. в Ольвии констатируется и в книжке Славина—Ольвия, Київ, 1938 г., стр. 61, хотя последний относит основание Ольвии только к половине VI в.

³ ИАК, 13, стр. 148, рис. 94; стр. 187, рис. 143; стр. 217, рис. 157—160; 33, стр. 118 и рис. 23—30. Б. Фармаковский—Архаический период в России. Его же—Раскопки в Ольвии в 1925 г. «Сообщения ГАИМК», I, стр. 182—183, прим. 1; 190, рис. 9. Его же—Ольвия, М. 1915, стр. 33, рис. 18 и 19. И. Малев—Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвии, ИАК, 54 (1914), стр. 83—98. J. Voehlau—Sammlung Vogell, Cassel, 1908, № 16—47 и табл. I—II; ср. M. P. P. S., p. 339. Т. Н. Книпович—«Известия ГАИМК», V, 1927, стр. 91 сл. (табл. XI, 2); стр. 96 сл. (табл. XII). Л. М. Славин—ук. соч., стр. 57 сл., 61 сл., рис. 35, 39—42.

⁴ ИАК, 1908, стр. 18 и 22, рис. 26 и 33; ИАК, 33, стр. 116 сл., рис. 17—21. Б. Фармаковский—Ольвия, стр. 15. Voehlau—№ 643 сл.; M. P. P. S., стр. 364.

⁵ Б. Фармаковский—Ольвия, стр. 15, ИАК, 33, стр. 117, рис. 22; его же—Архаический курор из Ольвии, «Сообщения ГАИМК», I (1926), стр. 164—170, рис. 23—26 (раскопки 1924 г.). То же в сборнике в честь С. А. Жебелева, Л. 1926.

⁶ Жебелев и Мальмберг—Три архаические бронзы, Мат. арх. Росс., 32. Славин, рис. 47, 52.

⁷ Б. Фармаковский, Мат. арх. Росс., 34, табл. IX, 1. Его же—Раскопки в Ольвии в 1924 г. «Сообщения ГАИМК», I, стр. 163 и рис. 21. Его же—Ольвия, стр. 30—31.

⁸ М. И. Максимова—Античные печати Северного Причерноморья, «Вестник древней истории», I, М. 1937, стр. 253.

вине VI в.¹ В Ольвии мы имеем, наконец, даже следы строительства архаической эпохи в виде случайно уцелевшей части полигональной стены² и фрагмента архаической ионийской кимы³.

Если относительно времени возникновения Ольвии еще могут оставаться сомнения, то факт основания Пантикапея и других греческих городов на Керченском и Таманском полуостровах не ранее середины VI в. вряд ли может подлежать сомнению⁴. И тем не менее раскопки на месте древнего Пантикапея и в его окрестностях обнаружили не только вещевой материал второй половины VI в., но также в небольшом количестве предметы, восходящие к первой половине VI в.⁵ В пантикапейском некрополе найдены сосуды и амфоры стиля фикеллуры⁶, вазы самосские, ионийские, коринфские, аттические чернофигурные⁷. То же наблюдается и в других греческих поселениях Керченского полуострова. «Археологический материал нижних культурных слоев позволяет говорить о возникновении Тиритаки и Мирмекия приблизительно в половине VI в. до н. э. Дата эта устанавливается находками архаической, преимущественно родосско-ионийской, керамики⁸. Вазы ионийского, милетского, клазоменского, родосского стилей в значительном числе и в хорошей сохранности находимы были также на месте греческих поселений [Фанагории, Гермонассы (?) и др.], равно как и в туземных погребениях на Таманском полуострове⁹. Монеты Пантикапея

¹ Репников и Фармаковский относят древнейшие ольвийские монеты к началу V в. (ИАК, 13, стр. 283, рис. 161—162); Миппс—к VI в. (стр. 484, табл. II, 1 и 2).

² Б. Фармаковский—Ольвия, стр. 12; ИАК, 13, стр. 38, табл. IV.

³ ОАК, 1905, стр. 14—15, рис. 13—14; ИАК, 33, стр. 116, рис. 16; ср. «Arch. Anzeiger», 1906, стр. 122, рис. 7.

⁴ Velosh—Griechische Geschichte, I², 2, S. 335. E. d. Meyer—Geschichte d. Altertums, III, Stuttgart 1937, S. 420. Более специально вопрос о времени основания Пантикапея исследуется в статье акад. Жебелева—«Возникновение Боспорского государства», «Известия Академии наук», ООИ, 1930, № 10, стр. 800 сл.

⁵ Прежняя датировка археологического материала Пантикапея концом VII и началом VI в. в настоящее время значительно изменена, и материал этот датируется первой половиной VI в. и притом ближе к его середине; см. Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 103—104.

⁶ ОАК, 1912, стр. 37; 1913—1915, стр. 91, рис. 153.

⁷ ИАК, 17 (1905), рис. 22 и 23; 25 (1907), стр. 29, погреб. 126; 30 (1909), стр. 30—31, рис. 18 и 19; 35 (1910), стр. 26, рис. 13; 60 (1916), стр. 10, рис. 1 и 2; стр. 12, рис. 3 и 4; Б. Фармаковский—Милетские вазы из России, «Древности Моск. арх. общ.», XXV (1914), табл. VIII—IX, XI. Егже—Архаический период в России, Мат. арх. Росс., 34, стр. 46 сл.; В. Шкорпил—Археанактиды, «Изв. Тавр. арх. ком.», 54 (1917); М. Ростовцев—Скифия и Боспор, Л. 1925, стр. 185 (нем. изд. стр. 171); Т. Н. Книпович, «Известия ГАИМК» 1 (1927), стр. 90—91, табл. XI, 1; Ю. Ю. Марти—Путеводитель по Керченским древностям, Керчь, 1926, стр. 37—39. Следует заметить, что и в данном случае среди археологов наблюдается тенденция к снижению первоначальных датировок; ср. С. А. Жебелев—Возникновение Боспорского государства, «Известия Академии наук» ООИ, 1930, № 10, стр. 799, прим. 1.

⁸ В. Ф. Гайдукевич—Боспорские города Тиритака и Мирмекия на Керченском полуострове, «Вестник древней истории», 1, М. 1937, стр. 217.

⁹ М. Ростовцев, стр. 263—264 (нем. изд. стр. 238) (Фанагория); В. Шкорпил—ИАК, 56 (1914), стр. 1; ОАК, 1913—1915, стр. 110 сл. (Некрополь Гермонассы); ср. Ростовцев, стр. 282; Н. А. Эрман—Ионийская амфора с Таманского полуострова, ИАК, 45 (1912), стр. 92—103, табл. VII—XI; С. Д. Руднев—Амфора милетского стиля из окрестностей станции Таманской, там же, стр. 104—110, табл. XII—XIII; Е. О. Прущевская—Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове, ИАК, 63 (1917), стр. 31 сл., 48 сл., табл. III (теперь Прушевская датирует родосскую вазу «несколько раньше середины VI в.»); Т. Н. Книпович—Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря, «Известия ГАИМК»,

восходят также к VI в.¹, печати—к началу V в., причем последние находимы были не только в греческих², но и в большом числе в туземных³ погребениях.

Даже в таком относительно менее богатом и значительном и притом систематически до сих пор необследованном поселении, как Феодосия (основана во второй половине VI в.), найдено было не только значительное количество аттической краснофигурной керамики V в., но и немало следов культурной жизни второй половины VI в. (чернофигурная ваза, терракоты и др.)⁴. Наиболее ранние, правда, встречающиеся в единичных экземплярах, монеты Феодосии также могут быть датированы V в.⁵ Наконец, в позднее (повидимому, уже в V в.) возникшем Нимфее мы имеем монеты⁶, погребения⁷ и надписи V в.⁸ Чеканка собственной монеты (с женским изображением нимфы и с надписью ΝΥΜ) производилась здесь, повидимому, во второй половине V в. и с концом этого века, вероятно, в связи с подчинением Пантикапею, прекращается⁹.

Приведенный обзор показывает, что во всех греческих городах Северного Причерноморья находимый при раскопках археологический материал восходит не только ко времени их основания и начального существования, но частично и ранее возникновения на месте постоянного греческого поселения¹⁰. Так, в Ольвии, основание которой датируется теперь первой половиной и даже серединой VI в., в Пантикапее и смежных с ним греческих городах, возникших в половине VI в. и даже несколько позднее, встречается много предметов, восходящих к первой половине VI и частью ко второй половине VII вв.; древнейший археологический материал, найденный в Феодосии, основанной во второй половине VI в., и на месте древнего Нимфея, возникшего уже в V в., относится также либо к самому началу их существования, либо предшествует ему. Это происходит, как известно, оттого, что образованию постоянного греческого поселения предшествовало возникновение торговых сношений с местным населением, и иногда основание торговой греческой фактории. В то же время несколько не исключены, но, наоборот, обычны были случаи захоронения с покойником вещей не только современных ему, но и восходящих к более раннему времени. Так, в пантикапейском некрополе в могиле V в. рядом с краснофигурными вазами строгого стиля в изобилии найдены были чернофигурные сосуды, относящиеся еще ко второй поло-

V (1927), стр. 85—101, табл. IX—XI, XIV [датировка двух самосских амфор (стр. 100) также должна быть изменена на вторую половину VI в.].

¹ М. Ростовцев, стр. 173, 284 (нем. изд. стр. 169, 255); *M i n n s*, стр. 628, табл. V. По определению А. Н. Зографа («Античные монеты»—рукопись, стр. 128), типы древнейших пантикапейских монет (вдавленный квадрат на оборотной и примитивно исполненная львиная голова на лицевой стороне) заставляют отодвигать их далеко в глубь VI в.

² М. И. Максимова, ук. соч., стр. 253.

³ Там же, стр. 255 сл.

⁴ Э. Штерн—Феодосия и ее керамика (Музей Од. общ. ист. и древн.), Одесса 1906, стр. 85 сл., стр. 363—364; *M i n n s*, стр. 363—364; Ростовцев, стр. 252—253 (нем. изд. стр. 228).

⁵ А. Н. Зограф, рукопись, стр. 121.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард, «Нумизматический сборник», II, стр. 45; *M i n n s*—табл. IX, 8—9.

⁷ М. Ростовцев, стр. 253—254 (нем. изд. стр. 230).

⁸ В. Латышев—Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 гг.), ИАК, 10 (1904), стр. 25, № 20; стр. 52, № 47.

⁹ А. Н. Зограф, стр. 125—126.

¹⁰ Этот факт констатируется и в цит. статье С. А. Жебелева, стр. 801.

вине предшествовавшего столетия¹. Время основания причерноморских греческих колоний определяется, таким образом, вовсе не самыми ранними найденными на месте предметами. О возникновении и существовании постоянного поселения можно говорить лишь с того времени, когда археологический материал, на основании которого производится датировка, представляется и достаточно обильным и достаточно разнообразным².

Подходя с этой меркой к вещественным памятникам Херсонеса, мы и здесь встречаем ту же картину, как и в других колониях Северного Причерноморья, только, как уже сказано, с опозданием на сто—полтора лет. Наличие в Херсонесе аттической керамики, частично восходящей к середине V в. и даже несколько ранее (вплоть до отдельных чернофигурных фрагментов), не говорит еще за существование здесь постоянного греческого поселения. Эта посуда могла являться результатом случайного обмена с жителями туземного поселения, существовавшего, повидимому, на месте позднейшего Херсонеса, а также могла быть завезена и самими гераклейскими поселенцами, которые не с пустыми же руками явились на место нового поселения. Основной херсонесский материал, напротив, не восходит ранее последней четверти или трети V в. Типичной для него представляется позднейшая краснофигурная и чернолаковая керамика. Фрагменты ионийской керамики, как мы видели на примере так наз. «навкратийского» кубка, вовсе не обязательно восходят к раннему времени, причем встречаются они обычно совместно с краснофигурными и чернолаковыми фрагментами. Остальной вещественный материал Херсонеса не восходит ранее конца V или начала IV в. до н. э. Так, из многочисленных найденных в Херсонесе терракот самые ранние относятся к концу V в.³ Печати, которые в других греческих городах Причерноморья имеются уже от V в. и частью (в Ольвии) от VI в., в Херсонесе также не восходят ранее IV в.⁴ Чеканка херсонесской монеты, по определению Бертье-Делагарда, начинается с половины IV в.⁵ А. Н. Зограф относит начало чеканки монеты ко второму или третьему десятилетию IV в.⁶ Не ранее конца V—начала IV вв. сооружены первые стены Херсонеса. Наконец, если обратиться к эпиграфическому материалу, то и здесь увидим ту же картину. В Ольвии найдены фрагменты надписей, относящихся к V в.⁷ В Пантикапее и в Нимфее также найдены отдельные фрагменты погребальных и других надписей V в.; в Нимфее даже, как мы видели, надпись архаического типа, восходящая к началу этого столетия⁸; в Херсонесе, напро-

¹ Ростовцев, стр. 186 (нем. изд. стр. 172).

² Ср. цит. выше статью Т. Н. Книпович, где это положение констатируется в общей форме (стр. 91) и затем иллюстрируется на материале Ольвии (стр. 103), Пантикапея (стр. 104), Танаиса (стр. 108).

³ В. К. Мальмберг—Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг., Мат. арх. Росс., 7 (СПб. 1892), стр. 3—23, табл. I—III. Г. Д. Белов—Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг. («Херсон. сборник», III, Севастополь, 1931, стр. 219—245).

⁴ М. И. Максимова, ук. соч., стр. 253.

⁵ А. Л. Бертье-Делагард—Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Птолемеона II Понтийского, М. 1912 г. (оттиск из «Нумизм. сборника», т. II), стр. 3, 300, т. XXVI, стр. 222 сл.

⁶ Согласно подготовленной к печати работе об античных монетах, гл. IX, «Монеты Херсонеса Таврического», стр. 67—68.

⁷ IosPE, I² 1916 № 20, 208, 270 (известная надпись Леокса, сына Мольпагора, между 495 и 460 гг.), 275.

⁸ Пантикапей, IosPE, II, № 97, также 204, 280, 292. Нимфей, ИАК, 10 (1904), стр. 25, № 20; стр. 52, № 47.

тив, нам неизвестно ни одного эпиграфического документа ранее IV в., причем и надписи IV в. относительно немногочисленны.

Во время раскопок, производившихся в Херсонесе Г. Д. Беловым в 1936—1937 гг., открыт был некрополь, который Г. Д. Белов, повидимому, не без основания, признает древнейшим и современным начальному существованию здесь греческого города. «Открытый нами некрополь,—замечает в отчете о раскопках 1936 г. Г. Д. Белов¹,—представляет большое значение для истории Херсонеса. Во-первых, ценность его заключается в том, что этот ранний некрополь впервые открыт как сплошной массовый некрополь. До сих пор погребения IV в. до н. э. были известны в Херсонесе по раскопкам только единицами (склеп № 10—12 раскопок 1899 г.)... Во-вторых, раскопки некрополя дают важные указания по вопросу о первоначальном местонахождении города и постепенном росте его территории. Археологические данные этого года позволяют считать, что начальное поселение находилось на западном берегу Карантинной бухты и в нынешней восточной части. Северный же берег в средней его части (против усадьбы музея) в V—начале IV вв. до н. э. находился вне города и был занят кладбищем. В дальнейшем, при бурном (?—А. Т.) росте Херсонеса, в IV в. территория города расширяется и кладбище застраивается жилыми домами. Таким образом, можно проследить постепенный рост городской территории,—этот рост происходил с востока на запад. В-третьих, раскопки этого года открыто опять-таки впервые большое количество скорченных погребений. Это открытие чрезвычайно важно для истории раннего периода жизни Херсонеса. Скорченные погребения свидетельствуют о том, что наряду с греками-пришельцами в Херсонесе жило и местное население, повидимому, тавры».

С соображениями Г. Д. Белова в пользу того, что открытый им некрополь представляет древнейший некрополь Херсонеса, повидимому, можно вполне согласиться. За древность некрополя 1936 г. говорит прежде всего самое его местоположение. Известные до сих пор некрополи Херсонеса (начиная с эллинистического времени) расположены были вдоль южной и юго-западной оборонительных стен города, причем они постоянно находились вне городской черты. Некрополь 1936 г. открыт был, напротив, в необычной—северной, прибрежной части города (к северу от главного корпуса музея—бывшего собора)², застроенной и густо заселенной уже во второй половине IV в. Другой факт, несомненно свидетельствующий о древности некрополя, это большой процент скорченных туземных погребений. Из общего количества 70 погребений (не считая женных костей и детских погребений в амфорах) 28, т. е. 40%, было скорченных³. Заключать из факта наличия столь значительного количества скорченных погребений о характере позднейших взаимоотношений между пришлым греческим и местным населением, как это делает Г. Д. Белов⁴, было бы

¹ Стр. 144—145. Цитирую по корректурному оттиску, любезно присланному мне автором.

² Стр. 109 и сл. корректурного оттиска.

³ Стр. 143 корректурного оттиска отчета. Во время раскопок 1937 г., производившихся на территории к югу от раскопанной в предшествовавшем году, найдено было продолжение некрополя, датируемого тем же временем. Однако ввиду большой застроенности этого района уже с IV в. некрополь был здесь нарушен более, чем в северной части, и погребения встречались лишь островками. Из 29 открытых погребений половина оказалась детских в амфорах; из 9 погребений взрослых 2 было скорченных и 7—в вытянутом положении на спине. См. Г. Д. Белов—Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 г. (рукопись, стр. 4—11).

⁴ Стр. 145.

вряд ли правильно и, во всяком случае, преждевременно. Единственный вывод, который отсюда можно сделать, это то, что некрополь относится к тому времени, когда следы существовавшего здесь до основания греческого города туземного поселения не успели еще исчезнуть и когда основанный гераклеяцами город или сосуществовал с туземным поселением или только что его вытеснил и занял его место.

Если, таким образом, некрополь 1936 г., как мы имеем все основания предполагать, действительно является древнейшим и современным возникновению города некрополем, то датировка найденных в нем вещей для стоящего перед нами вопроса о времени основания Херсонеса имеет первенствующее значение. Вот что читаем мы по этому поводу в отчете: «Открытый в этом году некрополь может быть датирован концом V—началом IV вв. до н. э. При нескольких погребениях найдена чернолаковая посуда раннего времени: солонки, чашечки, килики, покрытые хорошим черным лаком. При одном погребении (№ 32) найден ионийский кувшинчик. Прочий инвентарь (перстни и браслеты) был плохой сохранности. Культурный слой, покрывающий погребения, содержал в себе фрагменты ионийской посуды, краснофигурной, чернолаковой, а также обломки амфор, блюд, мисок и пр. Таким образом, насыпь над некрополем датируется не позднее, чем первой половиной IV в. до н. э. Городские постройки возникают здесь около середины IV в. Следовательно, погребения совершались на этой территории только до середины IV в. до н. э.»¹

Инвентарь, найденный в погребениях древнейшего херсонесского некрополя, датируется, таким образом, концом V—началом IV в. Судя по наличию обильной чернолаковой посуды, датировка вещей, данная Беловым, склонным, как мы знаем, относить время возникновения Херсонеса не к концу, а к началу V в., грешит скорее в сторону преувеличения, чем преуменьшения даты. Ту же датировку вещей некрополя в общем дает и Т. Н. Книпович, имевшая возможность ознакомиться с материалом во время отчетного сообщения Белова в ГАИМК. При этом еще следует учитывать то обстоятельство, что туземные скорченные погребения, возможно, сходятся еще ко времени до основания здесь греческого поселения.

Подводя итоги, мы можем, таким образом, констатировать, что открытый в 1936 г. некрополь представляет древнейший и притом современный основанию города некрополь Херсонеса и что в то же время вещественный материал, найденный в этом некрополе, датируется концом V—началом IV в. Таковы, по крайней мере, предварительные итоги, но если эти предварительные итоги подтвердятся дальнейшим, более специальным обследованием материала, то лучшего доказательства в пользу предложенной датировки основания Херсонеса желать не приходится. Вывод, сделанный на основании анализа эпиграфических и литературных данных, нашел бы себе в таком случае полное подтверждение и на археологическом материале.

¹ Отчет (корр. оттиск), стр. 144. Инвентарь погребений, открытых в 1937 г., крайне незначителен (см. рукописный отчет, стр. 11). В античном культурном слое над некрополем, значительно лучше представленном, чем в раскопках предшествовавшего года, открыт ряд жилых комплексов эллинистического времени, преобладающую массу составляли предметы III—II вв.; значительно меньше было вещей IV в. Только «небольшая часть посуды относится к V в. (ионийская)» (см. рукописный отчет, стр. 31). Этот факт нахождения отдельных экземпляров керамики V в. в части города, застроенной лишь во второй половине IV в., является лишним доказательством в пользу выставленного выше положения о возможности случаев ранней датировки вещей по сравнению с поселением, на месте которого они найдены.

II. Херсонес и Делос

Сообщение Псевдоскимна об основании Херсонеса гераклейцами совместно с делосцами по указанию дельфийского оракула, восходящее к вполне доброкачественному первоисточнику, именно к сочинению географа конца III в. до н. э. Димитрия из Каллатиса, является единственным свидетельством для начальной истории Херсонеса. Свидетельство Псевдоскимна и вызванные им сомнения специально разобраны выше¹. Настоящий этюд имеет своей целью исследование данных, касающихся позднейших взаимоотношений между Херсонесом и Делосом. Эти данные с несомненностью показывают, что дорийский Херсонес не только не чуждался Делоса, но, напротив, находился с ним в тесных взаимоотношениях, которые в свою очередь свидетельствуют о какой-то специфической связи, соединявшей его с Делосом. В этой связи не менее показательными представляются также и специальные дружественные отношения, существовавшие между Херсонесом и Дельфами, которые, по свидетельству Псевдоскимна, играли посредническую роль при совместном предприятии Гераклеи и Делоса по основанию колонии на Гераклейском полуострове.

Внешние отношения и связи Херсонеса не были обширны. Из девяти декретов о даровании проксении, в которых этникон лица, получающего проксению, известен, только один дарует проксению родосцу. Остальные восемь не выходят за пределы области Понта, причем три из них относятся к гражданам херсонесской метрополии Гераклеи, два—к синопцам, оказавшим при дворе понтийского царя определенные политические услуги городу. И вот, при такой ограниченности внешних отношений Херсонеса, тем показательнее, что вне области Понта можно установить близкие и дружественные отношения только между Херсонесом и Делосом, с одной стороны, Дельфами—с другой, причем эти отношения, как уже сказано, носят специфический характер.

Маленький остров Делос являлся, прежде всего, религиозным центром, и именно этим значением религиозного центра определялось и его место в политической жизни древней Греции. Первоначально центр ионийской островной амфикионии, Делос в дальнейшем привлекает к себе специальное внимание со стороны городов и государств, претендовавших на гегемонию в области Восточного Средиземноморья и стремившихся укрепить свое господство авторитетом религии. Уже с VI в. остров является яблоком раздора между Писистратом Афинским и Поликратом Самосским (Фукидид, III, 104, 1—2). В V в. морской союз, образовавшийся под гегемонией Афин, получает название Делосского союза, но фактически Афины подчиняют Делос себе и распоряжаются на острове, как полные хозяева. После поражения Афин Делос получает свободу и временно становится предметом внимания со стороны Спарты. Вскоре, однако, он вновь подпадает под влияние Афин и остается в таком зависимом положении до последней четверти IV в. Затем наступает период так называемой независимости, который длится в течение всей эллинистической эпохи вплоть до того времени, когда остров был передан римлянами Афинам, а жители его выселены. В это время Делос не только в качестве религиозной святыни, но и как средоточие союза островитян, находился в центре внимания эллинистических властителей, оспаривавших влияние на Эгейском море.

¹ См. «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса», стр. 250 сл.

С Делосом поддерживаются дружественные связи и отношения, его святилище осыпается дарами. Рядом с почетными декретами¹, инвентарные храмовые списки Делоса с указанием жертвователей составляют один из важнейших источников по истории области Эгейского моря в эллинистическую эпоху. Пожертвования в делосское святилище со стороны отдельных правителей обуславливаются, прежде всего, той ролью, какую каждый из них играл или стремился играть в данный момент в союзе островитян².

Влияние в области Эгейского моря оспаривал у эллинистических монархов о. Родос³, и этим объясняются его религиозные связи с Делосом, ежегодно посылаемые на Делос теории и, наконец, те обильные жертвования, какие в течение всего III в. поступали как от родосской общины в целом, так и от отдельных граждан Родоса в делосскую храмовую сокровищницу⁴. Такие же постоянные и тесные отношения поддерживал с Делосом и второй религиозный центр области Эгейского моря, о. Кос⁵.

¹ Делосские декреты в честь отдельных эллинистических правителей и их должностных лиц и союзников см. IG XI, 4. Избранные декреты, но с обстоятельными комментариями см. Durrbach—Choix d'inscriptions de Délos, Paris 1921.

² Пожертвования Димитрия Полиоркета, его дочери Стратоники и зятя, Селевка Никатора, обуславливались, повидимому, временным преобладанием Димитрия в области Эгейского моря. Когда с 80-х годов над союзом островитян устанавливается гегемония Египта, в качестве жертвователей выступают египетские Птолемеи, их жены, стратеги и союзники—Филокл Сидонский и Филетэр Пергамский. В числе жертвователей первой половины III в., в архонтство Артисилея (251 г.) мы встречаем Перисада (повидимому II, Боспорского) см. IG, XI—2, 287 B, l. 126—127; Durrbach—Inscriptions de Délos. Comptes des Hiéropes (№ 290—371); Academie des Inscr. et Belles Lettres, Paris, 1926, № 298, A, l. 95—96=313 a, l. 74=314 B, l. 82. Связи Боспора с Делосом были, однако, не политического, но, прежде всего, коммерческого характера. В первой половине III в. Делос продолжал еще в значительной мере получать хлеб из области Понта, о чем свидетельствуют, например, декрет в честь византийца Дионисия, снабдившего Делос проданным хлебом (IG, XI, 2, 627, ср. Durrbach—Choix des inscriptions de Délos, Paris 1921, № 46), равно как и многочисленные проксионы, данные гражданам Византии и других понтийских городов. В свою очередь и боспорский царь, опасаясь возраставшей конкуренции египетского хлеба, мог стремиться в то же время поддерживать хорошие отношения с Делосом. В половине III в. гегемония на море переходит к македонским царям, и в связи с этим жертвования и вклады со стороны Птолемеев прекращаются вовсе и сменяются жертвованиями македонских царей Антигона Гоната и его жены Филы, Димитрия II, Антигона Досона и их союзников (например Николая из Этолии). В царствование Филиппа V влияние Македонии в области Эгейского моря ослабело и преобладание на море оспаривалось. Вот почему рядом с жертвованиями Филиппа Македонского в это время поступают дары от ряда других жертвователей—Аттала Пергамского, Антиоха, ахейцев (Мегалополь) (ср. декрет в честь Александра Мегалополита, Durrbach, № 60). Наконец с начала II в., в связи с растущим вмешательством Рима во внутренние дела Греции, рядом с македонским царем Филиппом и его сыновьями Димитрием и Персеем, все чаще в качестве жертвователей начинают фигурировать римляне. В числе вкладчиков мы находим имена Публия Корнелия Сципиона Африканского, его брата Люция Корнелия Сципиона, Тита Фламинина, преторов, командовавших римским флотом в войну с Антиохом, и др. Сведения о лицах, делавших пожертвования в сокровищницу Делосского храма см. Nottolle, BCH, VI (1882), p. 157—164 и XV (1891), p. 118—149 и его же—Les archives de l'intendance sacrée à Délos, Paris, 1887; V. Schöffer—De Deli insulae rebus, Berlin, 1889, p. 176—178, ср. p. 91—108. Об отношении эллинистических монархов к союзу островитян, в частности к о. Делосу, см. также С. А. Жебелев—Союз островитян, ЖМНП, 1905, стр. 219—260.

³ С. А. Жебелев говорит даже об «эпохе родосской опеки», ук. соч., стр. 257.

⁴ Правда, III в. был временем оживленной торговли между Делосом и Родосом, однако расширение торговых интересов нашло себе отражение не столько в увеличении числа жертвований, сколько в установлении проксенических связей (см. об этом ниже).

⁵ V. Schöffer—De Deli insulae rebus, Berlin, 1889, p. 178.

Если Родос и Кос, таким образом, соперничали с эллинистическими монархами в пополнении сокровищницы Делоса щедрыми и обильными дарами, то остальные греческие общины (я имею в виду именно городские общины в целом), а не пожертвования отдельных граждан по различным частным поводам) как в эпоху так наз. независимости, так и в предшествующую эпоху, за отдельными исключениями, не принимали в этих пожертвованиях почти никакого участия. Упоминания в инвентарях делосской сокровищницы о пожертвованиях со стороны греческих общин крайне немногочисленны. Но и из этих немногочисленных пожертвований большая часть относится к предшествующей эпохе, ко времени господства на острове афинских амфикионов. Так, постоянно упоминаемые в инвентарях III в. золотые и серебряные фиалы, пожертвованные Наксосом¹, Миконном², иосцами³, Наксосом из Сицилии⁴, уже в половине III в. называются в числе τῶν ἀρχαίων φιάλων и, действительно, мы встречаем их еще в инвентаре 364 г. (в архонтство Тимократа)⁵. То же самое следует сказать о фиале леонтинцев, упоминаемом как в инвентарях III и II вв., так и 364 г.⁶ Три фиала, пожертвованные в делосскую сокровищницу тавроменийцами, помещаются обычно в списке пожертвований рядом с пожертвованиями афинян Никия и Калликла (датируемыми 417 г.)⁷, и также упоминаются в инвентаре 364 г.⁸ Все эти пожертвования восходят, таким образом, к первой половине IV в., а может быть и ранее. Любопытно, что и почти все эти пожертвования более раннего времени сводятся, в конце концов, к одной общей причине, именно, к давним связям, объединявшим Делос с непосредственно соседящим с ним (как и Микон) островом Наксосом. Дружественные связи между Наксосом и Делосом восходят еще к концу VII в.⁹ До Писистрата именно наксосцы играли на Делосе преобладающую роль¹⁰. Остальные же города-жертвователи—сицилийский Наксос, Леонтины, Тавромений—в большей или меньшей мере могли признавать себя колониями Наксоса¹¹ и, вероятно, именно в качестве таковых и в данном случае следовали примеру города-метрополии.

В инвентаре 364 г. упоминаются еще серебряные кружки (πρόχοι) из Атрамиттия, маленького городка на южном побережье Мисии¹². Это

¹ IG, XI, 2, 161 B, l. 31 (279 г.); 162 B, l. 23 (278 г.); 199 B, l. 55; 203 B, l. 82 (269 г.); 223 B, l. 15 (262 г.); 287 B, l. 13 (250 г.); Durrbach—Comptes des Hiéropes, 296 B, l. 32=298 A, l. 59—60, 61=299, l. 4=313 A, l. 49, 51=314 B., l. 50, 52=320 B, l. 11=358, l. 12, 13.

² Durrbach, 298 A, l. 61=313 a, l. 50=314 B, l. 51=315, l. 14=320 B, l. 12=358, l. 12.

³ Durrbach, 298 A, l. 58 и 63 и т. д.—те же номера, как и в примечании 2.

⁴ IG, XI, 2, 245b. l. 4; Durrbach, 314 B, l. 51, 320 B, l. 14; 358, l. 15; Durrbach—Comptes des Hiéropes (N 372—398), Paris 1929; 396 B, l. 22; 422, l. 28 (=BCH 1938 = Sylloge², 588). l. 51—52; 455, Bb, l. 16; 461 Ba, l. 57.

⁵ Homolle, BCH, X (1886), p. 461 sq., l. 1. 26—34 и 57.

⁶ Упоминается в инвентарях 364 г. BCH, X (1886), p. 464, l. 92—93, 279 г.—IG, XI, 2, 161 B, l. 14, 276 г. 164 A, l. 59.

⁷ IG, XI, 2, 154 A, l. 64; 161 B, l. 103—104; 164, l. 37; 199 B, l. 26. Durrbach—Comptes des Hiéropes, 296 B, l. 12=298 A, ll. 114—115=358 l. 1.

⁸ BCH, VI (1886), p. 465, l. 117.

⁹ Durrbach—Choix d'inscriptions de Délos, Paris, 1921, № 1, 2, 3, p. 3—4.

¹⁰ Ibid., cp. Dioid., VII, fr. 13.

¹¹ Наксос Сицилийский был основан халкидиянами совместно с наксосцами; сицилийские же наксосцы, в свою очередь, участвовали в основании Леонтии и Тавромения.

¹² BCH, X (1886), p. 462, l. 13—14.

пожертвование небольшого городка представляет для нас специальный интерес¹. Не считая этих наиболее ранних жертвований Наксоса и связанных с ним общин, нам известны только жертвования г. Мегалополя в материковой Греции² и о. Книда³ и небольшого, соседнего с Косом. о. Калимна⁴ из островной Греции, которые, быть может, относятся к эпохе так наз. независимости.

Установление связи с Делосом путем жертвований в храмовую сокровищницу, таким образом, как видим, не составляло обычной практики греческих общин. Такие специальные связи существовали только между Делосом и отдельными общинами—между Делосом и Наксосом в IV в. и между Делосом, с одной стороны, и Родосом, Косом и смежными с ними островами Калимном и Книдом в III в.—с другой. Тем неожиданнее, но вместе с тем показательнее представляется факт относительно крупного жертвования в делосскую сокровищницу, именно, трех серебряных фиалов, «херсонеситами с Понта». Дата жертвования может быть установлена точно, именно: год архонтства Сосимаха—276 г.⁵ Такой факт жертвования со стороны Херсонеса, города, расположенного на периферии эллинского мира и, притом, с крайне ограниченными внешними сношениями, может быть объяснен только особой специфической связью, существовавшей между ним и Делосом, и этой связью, по всей вероятности, и была связь колонии с метрополией⁶. Начиная с ближайших годов после жертвования и вплоть до последних лет «независимости», фиалы херсонеситов систематически вносятся во все инвентари⁷. Характерно при этом, что жертвованный в 251 г. Перисадом Боспорским фиал, обычно упоминаемый в инвентаре рядом с херсонесскими фиалами, уже около 230 г. исчезает и в дальнейшем специально не упоминается⁸.

О специально религиозных отношениях, связывавших Херсонес с Делосом, свидетельствует и фрагмент декрета об увенчании лавровым венком херсонесского гражданина..., сына Аполлония (вероятно Зета) за выказанное в отношении делосского святилища благочестие⁹. И это в то время, как многочисленные проксенические декреты, изданные делосцами в пользу

¹ См. «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса» стр. 258.

² IG, XI, 2, 199 B, l. 14; 203 B, l. 38=224 B, l. 35=280 b, l. 6=287 B, l. 43—44; D u r r b a c h—Comptes..., 310, l. 5.

³ IG, XI, 2, 226 B, l. 3—4; 287 B, l. 83=296 B, l. 14=298 A, l. 117=313, l. 92—93. В первой трети III в. между Делосом и Книдом существовали специальные политические связи. Так, из нескольких делосских декретов в честь известного архитектора и строителя Фаросского маяка, Стратона Книдского, мы узнаем о той посреднической роли, какую играл этот последний в отношениях между Делосом и Птолемеем Филадельфом, IG, XI, 4, 1138; ср. также 563, 1130, 1190; ср. D u r r b a c h—Choix..., p. 31 sq.

⁴ IG, XI, 2, 199 B, l. 6; 203 B, 33; 219 B, l. 1. 32; 287 B, l. 37.

⁵ D u r r b a c h—Comptes..., 313a, l. 73—74; ἐπι Σωσιμάχου φιάλι Χερσονησιτῶν ἀνάθημα τρεῖς.

⁶ Относительно связей религиозного характера, существовавших между колониями и их метрополией, см. B u s o l t - S w o b o d a—Griechische Staatskunde, II, München, 1929, S. 1269—1270.

⁷ IG, XI, 2, 196, l. 14 (275 г. ?); 199 B, l. 91 (274 г.); 203 B, l. 26 (269 г.); φιάλην χερσονησιτῶν ὀλίγη ἢ ἄλλην Χερσονησιτῶν ὀλίγη Η; 245 a, l. 7—8 (между 255 и 251 гг.). D u r r b a c h—Comptes..., 1926, 298 A, l. 95 (240 г.); 313 a, l. 74 (234 г.); 314 B, l. 80 сл. (232 г.); 320 A, 40—41 (229 г.). Comptes..., 1929, 385a, l. 37—39 (196 г.); 386, l. 8—9; 399 B, l. 16 (192 г.); 421, l. 44—45 (ок. 190 г.); 439a, l. 14—15 (181 г.); 442 (=Syll.² 588), l. 15—17 (179 г.); 453 B, l. 11 (174 г.); 455 Aa, l. 17—18 (173 г.); 461 Ba, l. 22—23 (169 г.); 465 e, l. 6—7.

⁸ Одновременно из списков исчезают и имена других городов-жертвователей за исключением Коса и сицилийского Наксоса.

⁹ IG, XI, 4 (R o u s s e l), Berlin, 1914, № 844.

граждан прежде всего торговых общин Греции (их сохранилось свыше пяти-сот и касаются они граждан восьмидесяти общин¹), свидетельствуют о деловом характере отношений в связи с растущим торговым значением о. Делоса.

Уже из приведенных фактов можно, таким образом, сделать заключение, что между Херсонесом и Делосом в III в. существовали какие-то специальные, прежде всего религиозные, отношения, каких не существовало у Делоса в это время ни с какой другой греческой общиной. Но еще более показательным представляется факт учреждения на Делосе специального праздника Херсонесий.

Помимо пожертвованных фиалов, в инвентарях мы часто встречаем упоминания о специальном капитале *χερσονήσιον*, который отдается в рост², и проценты с которого предназначены на устройство соответствующего праздника *χερσονήσια* в месяце Ленеоне³. В отчетах гиеропэев рядом с указанием процентов, полученных на этот капитал, упоминаются также и выдачи из этих средств на расходы по устройству праздника *χερσονήσια*⁴. Омолл выказал предположение, что *χερσονήσια*—праздник, устраиваемый на специальные средства, пожертвованные с этой целью херсонесцами с Понта, «взаимоотношения которых с Делосом,—добавляет он,—известны» (*dont les rapports avec Délos et avec Delphes sont connus*)⁵. К этому предположению, также с указанием на «тесные отношения» (*enge Beziehungen*), существовавшие между Херсонесом и Делосом, присоединяется Цибарт⁶. Шульхоф идет еще далее и самый факт учреждения праздника Херсонесий непосредственно объясняет участием делосцев в основании Херсонеса⁷. Другие исследователи, однако не разделяют мнения Омоллы. Шеффер говорит о «загадочном»⁸, Нильсон о «неизвестном значении»⁹ праздника Херсонесий. Наконец, Дюррбах дает свое толкование, исходя из факта существования участка Херсонеса (притом не на самом Делосе, а на Миконе); он определяет *χερσονήσιον*, как доходы, поступавшие с этого участка; от этого же участка он производит и название праздник *χερσονήσια*¹⁰. Дюррбах основывает это свое предпо-

¹ IG, XI, 4, № 510—1021. Обычный текст проксений мотивирует дарование проксении услугами, оказанными данным лицом как делосской общине в целом, так и отдельным, обращавшимся к нему делосским гражданам. Вот пример обычного текста: ἀγαθὸς ὢν διατελεῖ περὶ τὸ ἱερόν καὶ τὸν δῆμον τῶν Δηλίων καὶ χρεῖας παρέχεται κινεῖ καὶ ἰδίαι τοῖς ἐντυγχάνουσιν αὐτῶι τῶν πολιτῶν εἰς ἃ ἂν τις ἑαυτὸν παρακαλεῖ.

² Durrbach—Comptes des Hiéropes, 354, l. 22 (отчет по Durrbach'y, 218 г., по другим ср. Ziebart—Delische Stiftungen, «Hermes», 1917, S. 430—220 г.) отчет 176 г., BCH, XXXIV (1910), p. 146. Comptes... 1929, 449 A, l. 27, 40, 42.

³ Durrbach, ibid, 328, l. 10=353, l. 44—45: δανείου ἐστιατικοῦ τοῦ εἰς τὰ Χερσονήσια; BCH, XXXIV (1910), 146 сл: καὶ τότε ἄλλο ἀργύριον ἐδανείσαμεν τοῦ ἱστιατικοῦ ἀργυρίου... τοῦ Χερσονησίου HE...

⁴ Durrbach, ibid, l. 22: εἰς τὰς θυσίας μηνὸς (Λ)ηραιῶνος τοῦ Χερσονησίου παρ' ἱεροποιοῦ Ἱεροβρότου παρελάζομεν H; 366 l. 131—132: ἐδόξαμεν δὲ καὶ τοῖς ἐπιστάταις εἰς τὰς θυσίας ἐν τοῖς καθήκοντι χρόνοις... Ἀριστοπάτῳ Τέλλιος εἰς Χερσον(ή)σια ΗΗΗΗ.

⁵ Homolle—Compte et inventaires des temples déliens en l'année 279, BCH XIV (1890), p. 506.

⁶ Ziebart—Delische Stiftungen, «Hermes» 1917, S. 430—431.

⁷ E. Schulhof—Fouilles de Délos; Inscriptions financières, BCH, XXXIV (1908), p. 127.

⁸ Schöffer—Chersonesos (RE. IV), S. 2442. Fest der Chersonesia (Bedeutung rätselhaft).

⁹ M. P. Nilsson—Griechische Feste, Leipzig 1906, S. 467: χερσονήσια auf Délos von unsicherer Bedeutung. Die BCH, XIV (1890), 506, vorgetragenen Erklärungen sind nicht sehr ansprechend.

¹⁰ Durrbach—Comptes des Hiéropes, Paris 1926, p. 112; основанием для такого заключения Дюррбаха служит № 346 l. 13: τῶν τεμένων τῶν ἐν Θαλέωι καὶ Δωριούς καὶ Χερσονησίου τὸ γινόμενον ἐνηρόσιον ἔδομεν βονλῆ καὶ ἐπιστάταις, ср. 366, l. 99—102.

ложение исключительно на факте существования участка под названием Херсонес, притом, как сказано, не на самом Делосе, а на соседнем острове Миконе. Против этого предположения говорит уже тот факт, что доход с темена Херсонеса получался не отдельно, но совместно с доходом от темена Дорион¹ и уже по одному этому не мог обозначаться специальным термином *χερσονήσιον*.

Но этого мало. Самое предположение, что под *χερσονήσιον* имеется в виду вообще доход с земельного участка, находится в решительном противоречии с данными наших документов. В документах содержится прямое указание на значение *χερσονήσιον*, как *ἰστιάτικόν* (*ἔστιατικόν*) *ἀργύριον* т. е. как на денежный капитал². Капитал этот, как видно из тех же документов, отдается в займы и приносит проценты (*τόκους*), которые и употребляются на совершение жертвоприношений во время Херсонесий. Таким образом, как видим, он не имеет ничего общего с земельным доходом. Для обозначения земельного дохода в инвентарных записях Делоса применяется совершенно иной и специальный термин *ἐνηρέσιον*; в частности, именно этим термином обозначается доход с теменов Херсонеса и Дориона, который Дюррбах, как видим, произвольно отождествляет с *χερσονήσιον*, причем об этом последнем в данном документе совершенно нет речи³. Мало того, в том же документе содержится и прямое указание на то, куда поступали доходы с темена Херсонеса, равно как и с других принадлежащих делосскому святилищу угодий. Именно: доходы эти поступали в распоряжение *βουλή*. В других, несколько позднейших документах мы встречаем и более точные указания на этот счет. Так, в одном инвентаре 80-х годов II в. читаем: *τὰ δὲ ἐνηρέσια Θαλέου καὶ Δωρίου καὶ Χερσονήσου πράξαντες (ἐδ)ώκαμεν τοῖς πρυτάνεσιν εἰς τὰ κατὰ μῆγα καὶ τῆς γιά\(\eta\), τὸ δὲ λοιπὸν ἔδομεν τῶι (ἐπι)στ(ά)τει: ἔδομεν δὲ προεισεγγέχαντες τοῖς ἐπιστάταις τοῖς αἰρεθεῖσιν εἰς τὰς θυσίας τὸ ἀργύριον ἐν ταῖς καθήκουσιν χρόναις, ἵνα συντελῶνται αἱ θυσίαι τοῖς θεοῖς*⁴.

Из этого текста мы видим, что *ἐνηρέσιον* поступало в совет, именно, в распоряжение пританов, прежде всего на удовлетворение «месячных», т. е. текущих, культовых расходов⁵. Только остаток поступал в распоряжение эпислатов и мог быть употреблен на жертвоприношения, но не в качестве основного источника, а, повидимому, лишь временно, в виде авансирования необходимых сумм на случай задержки получения процентов с соответствующего, пожертвованного на устройство жертвоприношения капитала. Аванс этот впоследствии должен был быть возвращен, что видно из слов *προεισεγγέχαντες τοῖς ἐπιστάταις*⁶. При этом подобные авансовые выдачи производились равным образом из других средств⁷. Как видим, таким образом, назначение доходов (*ἐνηρέσιον*) с теменов Херсонеса, Дориона и др., поступающих в распоряжение *βουλή* на текущие расходы, определенно отличается от капитала *χερσονήσιον*, предназначенного для устрой-

¹ Durrbach, 366 A, l. 101 *ἐπράξαμεν δὲ καὶ τὰ ἐνηρέσια ... Δωρίου καὶ Χερσονήσου παρὰ Ἀριστοπάρππυον* ННН.

² BCH, XXXIV (1910), 34 A (146 сл.), l. 27, 40. Durrbach—Comptes..., 328, l. 10; 353, l. 44; 354, l. 22; 366 A, l. 132.

³ Там же. 346, l. 13.

⁴ Comptes..., 1929 440 A, l. 56—59. Ср. BCH, XXXII (1908) p. 130; см. также 401, l. 25 sq.; 403, l. 55—56; 449 A, l. 4 sq.; 460, l. 22—23; 461 A, l. 30—31.

⁵ Перечень таких расходов встречается почти во всех отчетах, ср., например, Comptes..., 290, l. 47 sq. и пр. и пр.

⁶ BCH XXXII (1908), стр. 132, XXXIV (1910), стр. 154—156.

⁷ Durrbach..., Comptes, 1929, 461 Ab., l. 29.

ства жертвоприношения во время Херсонесий и отдаваемого с этой целью в ссуды под проценты. И, напротив, именно такое назначение капитала $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\eta\sigma\iota\omicron\nu$ находит себе полную аналогию в ряде других капиталов, пожертвованных (эллинистическими правителями, а также частными лицами) на такие же цели—устройства специальных жертв и праздников и используемых совершенно таким же образом, т. е. путем отдачи их в рост и устройств на полученные проценты соответствующих жертвоприношений. При этом капитал $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\eta\sigma\iota\omicron\nu$ и праздник $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\eta\sigma\iota\alpha$ всегда упоминаются именно в ряду этих капиталов, как в отчетах по сдаче их в ссуду и получению процентов, так и в отчетах о выдачах на соответствующие жертвоприношения ($\epsilon\iota\varsigma \theta\upsilon\sigma\iota\alpha\varsigma$). Термин $\iota\sigma\tau\iota\alpha\tau\iota\chi\acute{o}\nu$ ($\epsilon\sigma\tau\iota\alpha\tau\iota\chi\acute{o}\nu$) $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\upsilon}\rho\omicron\nu$, которым, как мы видели, обозначался херсонесский капитал, и значение которого не совсем ясно¹, употребляется в инвентарных списках и записях только специально для обозначения именно таких пожертвованных капиталов². А таких жертвенных капиталов с соответственными праздниками и жертвоприношениями помимо Херсонесий нам известен целый ряд³. Именно: 1) $\zeta\iota\lambda\alpha\delta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\omicron\nu$ (3300 др.), учрежденный до 267 г. на средства несиарха Гермия в честь Арсиной Филadelphы (жены Птолемея II)⁴; 2) $\phi\iota\lambda\epsilon\tau\alpha\iota\epsilon\iota\omicron\nu$ (4000 др.), учрежденный самим Филетэром Пергамским до 262 г. или его преемником Евменом⁵; 3) $\phi\iota\lambda\acute{o}\chi\epsilon\iota\omicron\nu$ (6000 др.), учрежденный в первой половине III в. сидонским царем Филоклом⁶; 4) $\sigma\tau\eta\sigma\iota\epsilon\iota\omicron\nu$ (1500 др.), учрежденный делосцем Стесилеем в конце IV в.⁷ 5) $\nu\eta\sigma\iota\acute{\alpha}\delta\epsilon\iota\omicron\nu$ (3500 др.), основанный ок. 260 г. Несиадом⁸; 6) $\xi\epsilon\nu\omicron\chi\lambda\epsilon\iota\acute{\upsilon}\epsilon\iota\omicron\nu$, основанный в первой половине III в. Ксеноклейдом⁹; 7) $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\nu\acute{\iota}\chi\epsilon\iota\omicron\nu$ (3000 др.) учрежденный дочерью Стесилея, Эхеникой в середине III в.¹⁰; 8) $\mu\iota\chi\acute{\upsilon}\delta\epsilon\iota\omicron\nu$, основанный Микитом около того же времени¹¹; 9) $\phi\iota\lambda\omega\nu\acute{\iota}\delta\epsilon\iota\omicron\nu$ (8700 др.),

¹ Толкование Омолля, производящего этот термин от $\epsilon\sigma\tau\iota\alpha$ = $\epsilon\sigma\tau\iota\eta$ и связывающего его с Пританеом (Homolle—Les archives de l'intendance sacrée à Délos, Paris, 1885; ср. Durrbach, IG, XI, 2, 287 A ad. l. 1. 14—15) не представляется убедительным.
² F. Durrbach—E. Schulhof—BCH XXXIV (1910). S. 161: «Quelle qu'en soit l'origine le mot paraît comprendre les différents fonds, qui provenaient des donations particulières et dont les revenus étaient affectés à la célébration des sacrifices perpétuels ainsi qu'à la confection des vases sacrés. Сводку мест, в которых встречается применение этого термина, см. в статье E. Ziebarth, «Hermes», LII (1917), S. 437—739.

³ E. Ziebarth—Delische Stiftungen, «Hermes» LII (1915), стр. 425, 441; Schulhof, BCH XXXII (1908), 102 сл., 121 сл. О форме и условиях отдачи пожертвованных капиталов в рост см. Homolle BCH, XIV (1890), p. 451 сл.; Durrbach—Schulhof, BCH, XXXIV (1910), p. 129 sq.

⁴ E. Schulhof—BCH, XXXII (1908) p. 113—116; Ziebarth, ук. соч., S. 429, 8.

⁵ IG, XI, 2, 224 A, l. 4; Comptes..., 1926, 320 B. l. 78, 84; Comptes... 1929, 449 A. l. 42; Ziebarth, S. 428, 4.

⁶ «Comptes»... 1926, 370, l. 39, 47; Comptes... 1929, 396 A, l. 124; 406 B, l. 29; 449 A, l. 30, 32, 45. Ziebarth, S. 429, 9.

⁷ IG XI, 2, 105, l. 4. Comptes... 1926, 370, l. 40—41; BCH, XXXII (1908), p. 122 et suiv.; Ziebarth, S. 426, 2.

⁸ IG, XI, 2, 287 A, l. 193; 288, l. 6; 289, l. 16. Comptes... 1926, 290, l. 43; 316, l. 20. Comptes... 1929, 396 A, l. 125; 406 B. II. 8. 13, 19, 44; 449 A, l. 43, 45; Ziebarth, S. 427—429.

⁹ IG, XI, 2, 288, l. 8, Comptes... 1926, l. 139; 320 B, l. 78, 86, 91; 362 B, l. 20. Comptes... 1929, 449 A, l. 31, ср. BCH, XXXII (1908), p. 164; Ziebarth, S. 429—430, 10.

¹⁰ IG XI, 2, 287, A, l. 123; 288, l. 9, Comptes... 1926, 290, l. 45 320 l. 41, 44; 370, l. 42; 372, l. 71, 132, 135. Comptes... 1929, 407, l. 43; Ziebarth, S. 426, 3.

¹¹ IG, XI, 2, 117, l. 12, sq., 127, l. 34. ср. Homolle—Archives, p. 53; Schulhof, XXXII (1908), p. 125; Ziebarth, S. 427, 5.

основанный делоской Филонидой ок. 240 г.¹; 10) γοργύειον (6730 др.), основанный в 232 г. делосцем Горгием²; 11) εὐτύχειον (3500 др.), основанный ок. 230 г. банкиром Евтихом Хиосцем³; 12) σωπάτρειον, основанный тоже ок. 230 г. Сопатром⁴. Сверх того из документов нам известны и другие, учрежденные эллинистическими монархами и частными лицами праздники с жертвоприношениями без упоминания соответственных капиталов. Таковы Птолемэи (πτολεμαϊκῆ), учрежденные Птолемеем в 285/4 г., Стратоники (учрежденные Стратоникой, дочерью Димитрия Полиоркета и женой Антиоха), Димитрии (учрежденные Димитрием II), Филиппии (учрежденные Филиппом V), Атталии (учрежденные Атталом I), Николаи (учрежденные Николаем из Этолии); празднества, учрежденные различными частными лицами: Патайкии (Патайком) Евдемии (Евдемом), Донакии (Донаком); наконец, празднества делосских триттий—Тиэстид, Окинеид, Мапсихид⁵.

Специальной статье доходов, поступивших со всех перечисленных жертвенных капиталов, соответствовала и специальная статья расходов. В отчете гиеропэев о расходах, произведенных в 207 г., имеется любопытный перечень выдач на жертвенные празднества, причем в числе других упоминаются здесь и специально интересующие нас выдачи на праздник Херсонесий. Именно: здесь перечисляются Филадельфии, Филетэрии, Евтихии, Херсонесии, Филоклии, Стесилии, Эхеникии, Филонидии и Несиадии⁶.

После всего сказанного вряд ли может оставаться сомнение, что жертвоприношения во время Херсонесий были учреждены именно херсонесцами, для чего ими был пожертвован специальный капитал—*χερσονήσιον* в размере 4000 др.⁷ Это обстоятельство еще определеннее, нежели факт пожертвования фиалов⁸, говорит о каких-то специальных связях, существовавших между Херсонесом и Делосом. А такой связью, как уже сказано, именно и могла быть только связь, соединяющая колонию с метрополией. В данном случае можно сослаться на аналогию сицилийских городов, которые, как мы видели, в IV в. делали пожертвования в делосскую сокровищницу, следуя примеру своего города метрополии (Наксоса).

¹ Comptes... 1926, 371. l. 44. Comptes... 1929, 396 A, 162; 399 A, l. 123; 406 B, l. 35; 407, l. 43; 449 A, l. 30, 31, 44.

² Comptes... 1926, 320 B, l. 79, 95. Comptes... 1929, 407, l. 38, ср. Homolle—Archives, p. 49; Ziebarth, S. 430, 11.

³ Comptes... 1926, 370. l. 40, 44, 46. Comptes... 1929, 396 A, l. 39, 32, 35, 42, 46, 49; 399 A, l. 126; 406 B, l. 22, 35, 41; 449 A, l. 32, 37, 42; Ziebarth, S. 430, 13.

⁴ BCH, XXXIV (1910), стр. 148, № 34, l. 42; Schulhof, BCH, XXXII (1908), стр. 108; Ziebarth, S. 431, 15 ср. ad 449 A, l. 42.

⁵ Ziebarth, S. 429, 7; 431—432, 16—24.

⁶ Durrbach—Comptes..., 366 A, 131 sq. ср. ЗНВ.

⁷ Ziebarth, S. 430—431, 14 и таблица.

⁸ Фиалы нередко жертвовались в связи с учреждением празднества и, например, в том же инвентаре 207 г., в котором содержится список выдач на жертвенные празднества, находим и перечень фиалов, связанных с определенными празднествами Птолемэями, Стратониками, Атталиями, Антигониями и пр. [Durrbach—Comptes... 366 A, l. 1. 53—94; ср. 372 B, l. 9 sq., 379, l. 4 sq., 442, ll. 156—162 и др. Schulhof, BCH, XXXII (1908), p. 101 след.]. В списках постоянно упоминаются также и фиалы, связанные с названными празднествами—Евтихиями, Филадельфиями, Филетэриями и др. Мы не знаем, находились ли пожертвованные херсонесцами фиалы в такой же связи с учрежденным ими празднеством. Ответ, скорее, должен быть отрицательный, поскольку слишком значительный промежуток времени отделяет время пожертвования фиалов (276 г.) от первого упоминания о херсонесском капитале и празднике (221 г.), «Archives», LXII; ср. «Revue de philologie», XXX (1908), № 111 B, l. 44.

Еще естественнее, следовательно, было со стороны Херсонеса, признававшего так или иначе Делос своей непосредственной метрополией, почитать его святилище дарами и жертвенным праздником.

Остается вопрос, почему херсонесцы только в первой половине III в. устанавливают более постоянные связи со своей метрополией (пожертвования их датируются 276 г., *ἡρσωνήσια* впервые упоминаются не ранее 20-х годов III в.). И на этот вопрос, думается, нетрудно ответить. Настоящей метрополией Херсонеса была, конечно, Гераклея, Делос же, в сущности, мог считаться его метрополией лишь очень условно и в значительной мере номинально. Вот почему, пока Делос оставался в зависимости от Афин и не имел самостоятельного значения, херсонесцам не было повода вспоминать о своей номинальной «метрополии». Напротив, с началом эллинистической эпохи, когда Делос не только освободился от афинской зависимости, но и занял видное место в качестве торгового и, в особенности, религиозного центра Греции, естественно было и Херсонесу, находившемуся на окраине греческого мира и в окружении враждебных варварских племен, вспомнить о тех связях, которые соединяли его с общеэллинской святыней и придать этим связям более осязательные формы. В связи с этим, вероятно, находилось и учреждение праздника Херсонесий. Аполлон, первоначально занимал в пантеоне Херсонеса второстепенное место. И вот именно в III в., когда херсонесцы стремились установить более тесные взаимоотношения со своей второй, номинальной метрополией, естественно было с их стороны почитать делосского бога сначала путем жертвоприношений в его сокровищницу, затем—учреждением специальных жертвоприношений и праздника в его честь¹.

Более известны отношения Херсонеса к Дельфам. Херсонес, внешние связи которого вне области Понта были, как указывалось, совершенно ничтожны², напротив, по числу проксений, полученных его гражданами в Дельфах, среди понтийских городов занимает первое, чтобы не сказать исключительное, место³. В 263—260 гг. херсонесец Сокрит получает проксению наряду с гражданами пятнадцати других городов, в том числе Борисфена (Ольвии) и Боспора (Пантикапея)⁴. Целью этих проксений, по видимому, являлось, прежде всего, обслуживание проксенами феоров—дельфийских послов, оповещавших греческие города о времени начала празднеств и игр по их пути на север. Об этом ясно свидетельствует самое расположение городов, с которыми устанавливаются отношения проксений, в направлении к Понту и по берегам самого Понта (через Македонию, Фракию, Пропонтиду, по западному и северному берегам Понта).

Если в этом списке проксений, образованных с определенной целью, Херсонес фигурирует в числе и наряду с другими понтийскими городами, то совершенно иную картину дает список дельфийских проксенов первой половины II в., охватывающий период времени свыше 30 лет (с 197/6 по 165/4 г., с пробелом даже до 149/8 г.) и включающий, таким образом, проксений, устанавленные не по одному какому-нибудь поводу

¹ На позднейших (правда, уже периода элевфери) херсонесских монетах наряду с Девой часто фигурируют изображения Аполлона; см. *M i n n s*, p. 547, ср. p. 544—545.

² См. выше, стр., 265.

³ Относительно проксенических связей Дельф—см. *M o n s e a u x—Les proxénies grecques*, Paris, 1886, Chap. V, p. 271—285.

⁴ *BCH*, LII (1928), p. 189—192.

и не с одной целью, но по различным поводам, не в определенных географических границах, но по всей Греции¹. На 135 записанных здесь проксений мы находим три проксении, дарованные херсонесцам: Гимна, сына Скифа, в 195/4 г. (Syll.³, 585, l. 20), (лицо, занимавшее видные должности в Херсонесе) Формиона, сына Питиона, и Гераклида, сына Рисфы (оба в 192/1 г.) (Syll.³, 585, l. 56). По числу дельфийских проксений Херсонесу принадлежит в области Понта не только первое, но, по существу, исключительное место. Рядом с тремя херсонесскими проксениями мы встречаем на всю область Понта (включая северное, южное и восточное побережья Понта) всего одного проксена из Пантикапея (в 195/4 г.)².

Мало того, и по сравнению с большинством остальных греческих городов Херсонес по числу полученных от Дельф за этот период времени проксений занимает одно из видных мест³. Выше Херсонеса по числу дельфийских проксенов стоят только Александрия (11 прокс.), Родос (9 прокс.), Афины (7 прокс.), Коронея, Лебадея (по 5 прокс.), Сикион и Массалия (по 4 прокс.). Хиос, Коринф, Феспии, Элatea, Элея (в Италии) занимают такое же место, как Херсонес; остальные города, в том числе даже такие, как Фивы, Танагра, Аргос, Мегалополь, Тарент, Акрагант, Регий и др., стоят по числу дельфийских проксений ниже Херсонеса, имея не более одного-двух проксенов.

Такая исключительная связь центрального святилища всей Греции с отдаленным, почти не принимавшим никакого участия в исторической жизни и судьбах Эгейской области, городом, может быть, с нашей точки зрения, объяснена только специальными отношениями, связывавшими Херсонес с Дельфами. В этом отношении характерны те обстоятельства, при каких херсонесцы Формион и Гераклид получили проксению. Дарование проксений этим лицам мотивируется не какими-либо специальными, оказанными ими, услугами (оба они фигурируют исключительно в качестве послов и представителей своего города), но непосредственно свя-

¹ Syll.³, 585. По вопросу о способе составления этого списка дельфийских проксенов в науке мнения расходятся. По A. M o m s e n ' y [Delphische Archonten nach der Zeit geordnet, «Philologus» XXIV (1886), S. 1 f.; ср. ег о же—Zur Orientierung über die delphische Chronologie, «Philologus», LX (1900) S. 25 f.], список составлялся постепенно, по мере дарования проксений, заменив собою существовавшую до того практику опубликования специальных декретов в каждом отдельном случае. По В e r g k ' y [Delphi, «Philologus», XLII (1884), S. 228—265], напротив, список составлен одновременно в 146/5 г., охватывая время от истмийской прокламации Фламинина в 197/6 г. до падения Коринфа в 146/5 г., и представляет собой выдержку из отдельных декретов. Помт о в [«Philologus», LVIII, (1898), 552 f.] и А. Никитский (Исследования в области греческих надписей, Юрьев, 1901) держатся среднего мнения, высказываясь, в общем, против одновременного составления списка. Изложение и критику различных мнений см. у Никитского, стр. 92 сл.

² Syll.³, 585, l. 23. Любопытно, что мы встречаем здесь еще двух проксенов гераклеотов (1, 75, 301—303). Обычно этникон этих гераклейцев усматривают в Гераклее Малийской, ссылаясь, с одной стороны, на то, что отсутствует более точное определение, с другой—на важное стратегическое значение Гераклеи Малийской (на Эте). Однако Гимн, например, обозначен просто как *χερσονεσιτας* без добавления *ἐκ τοῦ Πόντου*. В то же время старые религиозные связи с дельфийским оракулом могли послужить не меньшим основанием, чем стратегическое значение того или иного пункта, притом не собственно для Дельф, а для Этолийского союза в целом, для установления проксений. Если бы мы действительно имели в данном случае гераклеотов с Понта, тогда и связь с Херсонесом Дельф на этом фоне приобрела бы еще большее показательное значение. Никитский, ук. соч., стр. 126—127; ср. P o m t o w, «Hermes» 1898, S. 329 f. «Neue Jahrb.», 1898, S. 761; Hiller v. Gärtringen, Sylloge, II, p. 104.

³ См. таблицы проксенов по местностям и городам, Syll.³ II, p. 104.

зывается с декретом в честь всей Херсонесской общины в целом¹. Декрет начинается с указания на особые услуги, оказанные дельфийским феорам, посланным с объявлением о предстоящем пифийском празднике. В чем заключались эти услуги, не вполне ясно, так как соответственное место в декрете—*Ἡν (ἦσαν) λελυτρωμένοι ὑπ' αὐτῶν καὶ πεπολυωρημένοι ἐμ πάντοις*—именно термин *λελυτρωμένοι*, допускает различное толкование. Издатели текста обычно понимают этот термин в смысле принятия на себя херсонесцами всех издержек по содержанию послов². Согласно другому толкованию (Соколова, А. Вильгельма, к которым примыкает автор новейшей работы о Дельфах Georges Daux)³, термин *λελυτρωμένοι* понимается в буквальном смысле—были «выкуплены»,—предполагается после пленения их пиратами. Это последнее обстоятельство, если бы оно действительно имело место, еще более подчеркивало бы специфический характер взаимоотношений между Херсонесом и Дельфами. Однако такое толкование вызывает сомнение⁴. Далее, отпуская послов, херсонесцы приняли специальное постановление с выражением расположения (*ἀρεσις*) к дельфийцам. Возвратившиеся послы (феоры) доставили это постановление в Дельфы и со своей стороны свидетельствовали о дружественном отношении херсонесцев к их городу. Не довольствуясь этим, херсонесцы снарядили собственное посольство в Дельфы в лице Гераклида и Формиона. Послы принесли обильные жертвоприношения Аполлону (*βούπρωρον*—сто голов мелкого скота и одного быка) и Афине (*δωδεκάτδα βούπρωρον*), причем мясо жертвенных животных поделено было между дельфийскими гражданами. В ответ на выражение дружественного расположения дельфийцы в цитируемом декрете и постановили дать Херсонесу право промантии, а обоим послам—проксению. Дарование проксении херсонесским гражданам, таким образом, как видим, не носило какого-либо случайного характера, но являлось специальным выражением особо тесных и дружественных отношений, связывавших Херсонес с Дельфами. Предполагать такую специальную и притом исконную связь Херсонеса с Дельфами мы имеем тем более оснований, что сохранение известной связи между Дельфами и основанными по указанию дельфийского оракула колониями в Греции составляло как бы общее правило⁵.

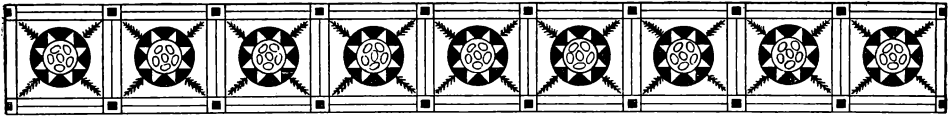
¹ BCH VI (1882), p. 214 sq. GDI 2652=Syll.³ II, № 604.

² Haussolier—BCH VI (1882), p. 216; Dittenberger, Syll.² I, p. 450, n. 5, Bauson с GDI № 2652; Pomtow—Syll.³ II, p. 137, n. 5 и «Berl. Phil. Wochenschrift», 1910, S. 1083.

³ Ф. Ф. Соколов—Ежегодные праздники пифийский и немейский, ЖМНП, 1899, июль, стр. 2. Труды, П. Б. 1910, стр. 316=«Klio» V (1905), S. 220; A. Wilhelm, «Gött. G. A.», 1903, S. 794, «Anzeiger», 1924, S. 93—96; G. Daux—Delphes au II et au I siècles, Paris, 1936, p. 660, n. 1.

⁴ Против предположения о пленении и последующем выкупе послов херсонесцами можно привести то изображение, что такой факт вряд ли был бы отмечен в повествовательной части декрета всего одним словом и, во всяком случае, должен был бы быть упомянут и в мотивировке резолютивной части декрета. Сомнения Ф. Соколова относительно несовпадения даты пифийского праздника, падавшего на 194 г., и даты декрета—192 г. («Труды», стр. 347) находят себе, мне кажется, вполне достаточное объяснение в замечании Помтова, разделяющего эти события: дельфийское посольство имело место в 194 г., ответное же херсонесское посольство могло быть отправлено не сразу, а только в 192 г. (ср. в тексте I. 7—*καὶ νῦν*, Pomtow, S. 1086; ср. Bauson с GDI № 2652, BCH VI (1882), p. 216; Dittenberger, Syll.² I, p. 450, n. 3.

⁵ Относительно связи Дельф с основанными по их указанию колониями см. Мопсеах—Les proxénies grecques, Paris, 1886, p. 276.

Д. П. КАЛИСТОВ

ЭТЮДЫ ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

I. Боспор, Митридат Евпатор и Рим

В археологической и исторической литературе, посвященной Северному Причерноморью, давно уже вошел в обиход термин «римский период» для обозначения отрезка времени, начиная от I в. до н. э. и кончая, приблизительно, V в. н. э. Многие вопросы, связанные с научным раскрытием и определением этого существенного этапа в историческом развитии Северного Причерноморья, остаются недостаточно выясненными, а во многих случаях и почти незатронутыми научным исследованием. К числу таких вопросов может быть отнесен до известной степени и вопрос о характере политических взаимоотношений, установившихся между Римом и Боспором с того момента, когда оба эти государства приходят в непосредственное политическое соприкосновение.

До сих пор не только в современной, но и в прежней исторической литературе нет работ монографического характера, которые ставили бы своей задачей систематическое исследование этих взаимоотношений. Впрочем, последнее отнюдь не означает, что в общей и специальной литературе вообще отсутствовало более или менее определенное представление о характере римско-боспорских отношений. Еще со времени выхода в свет V тома «Римской истории» Моммзена, в результате попутных высказываний и исследований частных вопросов утвердилось мнение, что в развитии этих взаимоотношений решающая роль принадлежала только одной стороне, именно Риму. Пока римляне не были заинтересованы в подчинении Северного Причерноморья, их позиция ограничивается лишь политикой наблюдения за этим районом из соседних с ним провинций. Но когда такая заинтересованность, под влиянием ряда причин, не связанных непосредственно с Северным Причерноморьем, у римлян появляется, Боспор превращается в достаточной мере пассивный объект римской политики. Естественно, что местные боспорские силы, как фактор в той или иной степени влиявший на характер складывающихся взаимоотношений, не могли найти себе должное место в этой концепции. Такого рода взгляд характерен не только для представителей старой школы. В различных, хотя и не затрагивающих принципиального существа дела вариантах такой взгляд в одинаковой мере присущ Т. Рейнаку, В. В. Латышеву, Брандису, А. Л. Бертье-Делагарду, А. В. Орешникову и др. и, наконец, современным авторам соответствующих отделов IX и X томов «Cambridge Ancient History».